
II

ФИУМЕ

В ЛОНДОНСКОМ ДОГОВОРЕ

(16 февраля — 25 апреля 1915 г.)

В своей книге «Интервенция» Саландра откровенно рассказывает, что ни Соннино, ни он не могут «снять с себя ответственность за то, что Фиуме был обойден» в тексте Лондонского договора¹.

В оправдание Саландра напоминает «о неизбежной, хотя и тяжелой необходимости» «подчинить в возможной и все же немалозначительной мере этнические и лингвистические соображения стратегическим и коммерческим критериям» и добавляет, что при переговорах по Лондонскому договору итальянскому правительству «не приходила в голову мысль о расчленении Австро-Венгерской империи и о последующем устройстве входивших в ее состав территорий».

Иными словами: хотя необходимость улучшить наше невыгодное стратегическое положение в Адриатике и требовала приобретения части островов и территорий на противоположном берегу, где бесспорно еще сохранились вековые и тысячелетние венецианские и римские традиции, все же не следовало ущемлять живущие по ту сторону Юлианских и Динарских Альп смешанные народности путем преграждения выхода к морю, если им придется остаться под владычеством Габсбургской монархии. Таковы концепции, которыми руководствовались оба государственных деятеля в своих «продолжительных беседах» по этому важному вопросу, о которых, как пишет Саландра, у него осталось «неизгладимое впечатление».

Совершенно верно, что уже во время предъявления Австро-Венгрии наших требований о компенсациях в случае соблюдения нами нейтралитета кое-кто указывал Соннино, что итальянское общественное мнение или по крайней мере националисты поставили бы ему в упрек оставление на другом берегу Адриатического моря хотя бы небольших групп итальянцев под чужой властью. Но мысль Соннино в этом вопросе была весьма ясна. Однажды, когда речь зашла об этих переговорах, я передал ему (это было в начале 1915 г.) мнение одного весьма влиятельного радикального депутата, с которым мне случайно пришлось беседовать. Депутат этот утверждал, что независимо от того, сохраним ли мы нейтралитет или вступим в войну, мы должны потребовать и получить все восточное побережье Адриатики, где, несмотря на австро-венгерскую политику систематического угнетения нацио-

нальностей, проводившуюся в течение последних 50 лет, остались очевидные следы итальянской культуры. Мы должны добиться этого, хотя бы Австрия, Венгрия, Хорватия, Сербия остались без всякого выхода к морю.

Соннино выказал себя решительным противником подобного разрешения вопроса как «антиэкономического и чреватого неразрешимыми опасными конфликтами в будущем», он считал в то время и всегда Лондонский договор необходимым и справедливым соглашением и постоянно напоминал, что популярным и всенародным лозунгом итальянских ирредентистов было: «Тренто и Триест».

Кроме Саландры и Соннино к этой же концепции склонялись такие люди, как Сан-Джулиано и Титтони, которые высказывали свои взгляды по этому вопросу в период кризиса и переговоров.

Сан-Джулиано, который еще до назначения его министром иностранных дел основательно изучил адриатическую проблему, ввиду возможности нашего вступления в войну, первоначально ограничивался требованием «Трентинской области до главного альпийского водораздела и Триеста» (11 августа 1914 г.); позднее (25 сентября 1914 г.), как на предмет наших притязаний, он указывал на итальянские провинции Австрии до главного альпийского водораздела, т. е. до естественной границы Италии. «Со стороны моря наша граница достигнет по меньшей мере Кварнеро». Но он выражал сомнение относительно «возможных наших требований в Далмации»: «следует ли нам поддерживать эти требования, если это грозит в будущем серьезными конфликтами со славянскими государствами».

Существует телеграмма от 23 марта 1915 г. нашего посла в Париже Титтони, в которой он, высказывая свою точку зрения на обсуждавшиеся в то время в Лондоне условия нашего вступления в войну, на необходимость приобретения Далмации по соображениям стратегическим и столь же неизбежный отказ по соображениям политическим и экономическим, писал: «Правда, Зара—город итальянский, но и Фиуме—итальянский, и все же мы понимаем, что не можем претендовать на Фиуме».

Помните, что, кроме двучленной формулы «Тренто и Триест», в итальянской печати еще недавно фигурировали Фиуме и итальянцы, живущие в Фиуме. В конце марта 1914 г. Федерцони интерпеллировал министра иностранных дел Сан-Джулиано о том, какие именно меры тот намеревается предпринять в целях оказания защиты проживающим в Фиуме итальянским подданным, подвергающимся систематическим преследованиям со стороны власти, и Сан-Джулиано, ввиду предстоявшего свидания в Аббации и намеченной поездки с графом Берхтольдом в Фиуме, а также полученного им от губернатора Фиуме приглашения на завтрак, телеграфировал в Вену, что он лишен всякой возможности ехать в Фиуме (30 марта 1914 г.).

Верно также, что, не восходя ко времени Никколо Томмазо, борца за итальянское дело в Фиуме в 1861 г., можно указать, что еще в 1904 г. в Фиуме образовалось тайное общество «Молодое Фиуме», готовое на «всякую борьбу за итальянское дело в Фиуме». В 1907 г. вышла газета под тем же названием. И общество и газета организовывали ирредентистские манифестации. Общество было распущено в 1912 г., газета же была закрыта еще раньше, тем не менее пропаганда не прекращалась. Достаточно вспомнить по этому поводу

имена Рикардо Джиганте, Армандо Ходниг, Джованни Хост-Вентури, Эмилио Маркуцци, Энрико Бурич, Ичилио Бачич, к которым в начале войны присоединились Чезаре Баттисти (газета «Secolo», 10 декабря 1914 г.) и триестинцы Слатапер, Сауро, Тамаро и Каприн*.

Муссолини 29 января 1915 г. поместил в «Popolo d'Italia» на видном месте письмо Джузеппе Преццоллини, в котором доказывалась необходимость перехода Фиуме к Италии. Предлагая вниманию публики этот документ, Муссолини заявлял, что разделяет изложенную в нем точку зрения больше из высказанных в нем «идейных соображений», чем «из соображений экономического порядка».

В демонстрации в Кварто 5 мая 1915 г., конечно, фигурировало обитое траурным крепом знамя ирредентистского Фиуме.

Что касается Саландры и Соннино, необходимо иметь постоянно в виду те предпосылки, которыми они руководствовались при «продолжительных переговорах», предшествовавших Лондонскому договору.

Одна из этих предпосылок, именно отказ от расчленения Австро-Венгрии, была полностью аннулирована 41 месяцем войны и 14 нашими крупными сражениями, завершившимися победой при Витторио Венето.

С другой стороны, и Лондонский договор, содержащий пункт об «отказе» от Фиуме, подвергся, с момента его подписания в 1915 г. до 1919 г., когда он должен был быть введен в действие, существенным изменениям. Я имею в виду отпадение России, аннулирувавшее статью I названного договора, который предусматривался «минимум военных сил, которые Россия должна будет использовать против Австро-Венгрии, с целью воспрепятствовать этой державе сосредоточить все свои усилия против Италии»**, и вынудившее Италию напрячь усилия в гораздо большей степени, чем это предусматривалось в договоре.

Далее. Лондонский договор, отправной точкой которого явилось определение «минимума» итальянских притязаний, уже сниженных по соглашениям, еще более урезанным в 1915 г. из-за упорных возражений русских, не мог, повидимому, получить в 1919 г. применения даже в этой минимальной мере из-за сопротивления президента Вильсона. Поэтому по соображениям внутреннего и внешнего характера в порядке равноправия и справедливости итальянское правительство выступило в Париже в защиту притязаний на Фиуме в зависимости или независимо от Лондонского договора***. Соображения эти впоследствии могут быть вновь частично рассмотрены.

* *Giulio Benedetti, La pace di Fiume, Zanichelli, Bologna 1924.*

** Статья I Лондонского договора гласит:

«Ст. I. Французский, великобританский, российский и итальянский генеральные штабы незамедлительно заключат военную конвенцию. Эта конвенция установит минимум военных сил, которые Россия должна будет использовать против Австрии с целью воспрепятствования этой державе сосредоточить все свои силы против Италии, в том случае, если Россия решила бы направить свои главные усилия против Германии».

*** Вполне позволительно остановиться также на том обстоятельстве, что в Лондонском договоре говорилось о передаче Фиуме Хорватии, а не Хорватии, объединенной с другими государствами. Таким образом, как это неоднократно отмечали в Париже Орландо и Соннино и как это вновь отметил

Ограничусь указанием, что еще до Витторио Венето, 18 октября 1918 г., ввиду неопределенных вильсоновских переговоров Андреа Оссоинак, единогласно избранный депутатом Фиуме, провозгласил в венгерском парламенте в Будапеште итальянский характер Фиуме «в прошлом и будущем» и требовал признания за своим городом права на самоопределение, что и было выражено в соответствии с этой декларацией внушительной народной массой в форме плебисцита 30 октября, за 4 дня до перемирия, когда итальянская армия сломила последнее сопротивление австро-венгерских войск. Ограничусь здесь упоминанием, что Фиуме дало почувствовать итальянскому правительству свою волю к воссоединению с «матерью-отчиной». Премьер Орlando немедленно же пошел этому навстречу*, и итальянские корабли «Эмануэле Филиберто» и «Стокко» прибыли в Фиуме 4 ноября. Здесь я ограничусь указанием, что взаимное тяготение Фиуме к Италии и Италии к Фиуме достигло высшего напряжения и обострения в борьбе за достижение цели—итальянское Фиуме.

* * *

Но по поводу ответственности за игнорирование вопроса о Фиуме Саландра пишет, что в тексте Лондонского договора формулировка примечания о Фиуме «не знаю почему несколько отличалась» от соответствующего текста в итальянском предложении.

Могу сообщить подробности относительно этого «почему».

Из некоторых относящихся к этому выписок из моего Дневника можно видеть, что редакция итальянского предложения, «откладывавшего до окончания войны решение Европы» касательно некоторых адриатических территорий, включая Фиуме, была в последнюю минуту и почти неожиданно радикальным образом изменена.

В новой редакции заявлялось, что адриатические территории, включая Фиуме, «будут переданы четырема державами» Хорватии, Сербии и Черногории**.

Шалоя с его ясным юридическим чутьем в бытность его министром иностранных дел, наши требования покоились на двух основаниях: на Лондонском договоре и на требовании Фиуме о присоединении его к Италии.

* Ср. стр. 155.

** В примечании к статье V в тексте итальянского предложения говорилось:

«Распределение, предусматриваемое в статьях IV и V, оставляет в силе до окончания войны решение Европы относительно следующих адриатических территорий:

В верхней Адриатике (равным образом в интересах Венгрии и Хорватии) все побережье от бухты Волоска на границе Истрии до северной границы Далмации, включая нынешний венгерский берег и все побережье Хорватии с портом Фиуме и меньшими портами Нови и Карлопаго, кроме островов Велья, Первиккио, Грегорио, Голи и Арбе.

В нижней Адриатике (равным образом в интересах Сербии и Черногории) все побережье вниз от реки Наренты, включая длинную полосу, ныне предназначенную Далмации, до реки Дрины с важными портами Рагузой, Каттаро, Антивари, Дульчино и Сан-Джованни-ди-Медуа и острова Яклан, Джуппана, Меццо, Каламотта. Порт Дураццо должен

Читатель увидит, что созданию вышеприведенной окончательной редакции способствовали усилия французского посла в Лондоне Поля Камбона, который превзошел даже желание, высказанное по этому вопросу русским министром иностранных дел Сазоновым.

Об этом свидетельствует информация, содержащаяся в телеграмме нашего посла в Петербурге Карлотти, прибывшая в Рим с опозданием.

Это вмешательство Камбона, выразившееся, казалось, в незначительном изменении перевода, явилось, быть может, частично его личным делом и может рассматриваться как уловка, предназначавшаяся для использования в начале переговоров.

Приводимые мной некоторые выражения нашего посла в Лондоне Империали, касающиеся ловкого, «хитрого» и к нам неблагоприятного французского посла в Лондоне, повидимому, подтверждают это предположение.

Приведу из Дневника еще несколько отрывков. Записи эти, не имея непосредственного отношения к Фиуме, дают тем не менее некоторое представление о том, в каких трудных условиях протекали лондонские переговоры, проводившиеся по распоряжению Соннино с неустанным рвением итальянским послом Империали, в то время как в Париже со скромным достоинством действовал Титтони, а в Петербурге—с утонченной проницательностью Карлотти.

Необходимо также иметь в виду, что переговоры пришлось вести в то время, когда ситуация благоприятствовала державам Согласия, которые могли проявить энергичную инициативу; действия англо-французского флота в проливах, а после их провала—подготовка высадки крупного десанта в Дарданеллах; русские победы в Карпатах, казалось, предвещали разгром австро-венгерских войск, и в момент укрепления военной мощи Австро-Венгрии—слухи о сепаратном мире с Россией, имеющем целью развязать Австро-Венгрии руки против Италии*. Такое положение вещей, казалось, не благоприятствовало дальнейшему промедлению со стороны Италии в деле заключения с державами Антанты тех соглашений, о которых в течение семи недель велись мучительные переговоры, неоднократно рискувавшие окончиться провалом.

быть передан независимому мусульманскому государству центральной Албании».

В договоре же примечание это получило следующее содержание [в подлиннике приведен французский текст]:

«Примечание. Нижеперечисленные Адриатические территории будут переданы четырмя союзными державами Хорватии, Сербии и Черногории.

В верхней Адриатике—все побережье от бухты Волоска на границе Истрии до северной границы Далмации, включающее в себя нынешний венгерский берег и все побережье Хорватии с портом Фиуме и меньшими портами Нови и Карлопаго, равно как и острова Велья, Первиккио, Грегорио, Голи и Арбе. В нижней Адриатике (в области, интересующей Сербию и Черногорию)—все побережье от мыса Планка до реки Дрины с важными портами Спалато, Рагузой, Каттаро, Антивари, Дульчино и Сан-Джованни-ди-Медуа и острова Зирона Большая, Зирона Малая, Буа, Солта, Брацца, Яклиан и Каламотта. Порт Дураццо должен быть передан мусульманскому независимому Албанскому государству».

* Ср. «Зеленую книгу», в которой приведены телеграммы из Ниша (10 апреля, докум. 66), из Софии (13 апреля, докум. 68), из Берлина (15 апреля, докум. 70).

Вторник, 16 февраля 1915 г.

Соннино, будучи уже убежден в том, что переговоры с Австро-Венгрией не могут привести к удовлетворительным результатам, и получив заверения от итальянского генерального штаба в том, что «к середине апреля мы сможем считать себя в военном отношении достаточно подготовленными», посылает итальянскому послу в Лондоне с курьером текст общих условий, «в случае принятия которых державами Соглашения королевское правительство было бы готово поставить в зависимость от этого твердое обязательство вступить в войну на их стороне».

В документе ясно указано, что в нем мы требуем минимума уступок в нашу пользу.

Империали не должен, однако, приводить в исполнение содержащиеся в документе инструкции до получения им дальнейшего распоряжения об этом.

Соннино просит Империали ознакомиться с документом и высказать свои соображения.

Вторник, 23 февраля.

Империали телеграфировал 22-го числа, что им получена депеша от 16 февраля. В этом документе итальянские требования перечислены в 16 статьях.

.....*

Статья IV. По мирному договору Италия должна получить Трентинскую область и Цизальпинский Тироль до географической и естественной границы (граница Бреннер), равно как Триест, графства Горица и Градиска и всю Истрию до Кварнеро, включая Волоску, кроме того, острова Керсо, Луссин и меньшие острова Плавник, Уние, Канидольские, Сансего, Орильские, Палаццоли, Сан-Пиетро-ин-Немби, Азинелло, Груич и соседние островки.

Статья V. Италии будут переданы также Далматинская провинция в ее нынешних административных границах с городами Трибани, Старград, Нона, Любак и Новиград на севере и простирающаяся на юг до реки Нарента и, кроме того, полуостров Саббиончелло и все острова, лежащие на севере и западе Далмации от Премуды, Сельве, Ульбо, Маон, Паго и Пантадура—на севере, до Меледы—на юге, включая Сант-Андреа, Бузи, Лисса, Лезина,

* Здесь, как и во всех тех случаях, где они приводятся, многоточия эти соответствуют выпущенным из Дневника местам, не имеющим отношения к трактуемому в данной главе предмету. Считаю необходимым сообщить об этом по той причине, что кое-кто, читая появившуюся в журнале «Nuova Apologia» первую из этих глав «Перемирие с Австро-Венгрией», ошибочно заключил, что многоточия относятся к местам, выпущенным из самого трактуемого сюжета.

Курцола, Кацца и Лагоста с соседними каменистыми островками, и, кроме того, Пелагоза...

Относительно статьи V Имперiali замечает следующее: «В связи со статьей V мы можем натолкнуться на некоторые трудности, объясняемые как теорией национальностей, так и возросшими в настоящее время нашими требованиями сравнительно с теми, которые предъявлялись во время предшествующих переговоров. Но, с другой стороны, очевидно, что, если серьезнейшая ответственность за вступление в войну не встречает желательного всей нации единодушного к себе отношения, необходимо в оправдание решения королевского правительства в возможно большей мере удовлетворить национальные притязания».

Соннино сегодня же ответил: «По причинам, указанным также и вашим превосходительством, следует настаивать на повышенных требованиях».

Среда, 3 марта.

С возрастающей очевидностью выясняется, что переговоры с Веной ни к чему не приведут, поэтому Соннино телеграфно инструктировал Имперiali дать дальнейшее движение депеше от 16 февраля.

Пятница, 5 марта.

Имперiali известил, что он передал Грею памятную записку с изложением наших условий. Грей пока не может высказаться по этому поводу; он обещал изучить записку и поговорить о ней с Имперiali раньше, чем с союзниками.

Среда, 10 марта.

Грей просил Имперiali навестить его и сообщил ему, что наши условия в общем кажутся ему несколько преувеличенными и значительно превышающими условия, о которых велась речь в переговорах в августе 1914 г. Тем не менее Грей, со своей стороны, не имеет никаких предварительных возражений, ибо в наших условиях он не усматривает никаких пунктов, могущих нанести ущерб британским интересам. Грей собирается поговорить об этом с союзными правительствами.

Среда, 17 марта.

Вчера Грей снова вызывал к себе Имперiali и говорил ему о благоприятном в общем впечатлении от наших условий, за исключением изменений: первого, касающегося протяжения требуемого нами Далматинского побережья, и второго, относящегося к конституции Албанского государства.

Пятница, 19 марта.

По сведениям Титтони, Уинстон Черчилль сказал будто бы, что англо-французский флот будет 20 апреля в Константинополе.

Воскресенье, 21 марта.

Титтони телеграфирует, что по полученным им сведениям Сазонов возражает против итальянских требований, касающихся Далмации, ибо считает, что в том случае, если австро-венгерская монархия переживет войну, она неизбежно должна пользоваться свободным выходом в Адриатику, а если когда-либо монархия будет расчленена, в таком же выходе в море будет нуждаться Хорватия.

Понедельник, 22 марта.

Грей вчера вручил Имперiali памятную записку в ответ на записку с перечислением наших условий. В записке Грея содержится следующее место: «По одному важному вопросу итальянские предложения, по мнению трех держав, вызывают довольно серьезные затруднения. Требования Италии относительно Далмации в соединении с предложением о нейтрализации остающейся части восточноадриатического побережья, равно как и требование о присоединении островов Кварнеро, оставляют на долю Сербии весьма ограниченные выгоды и условия выхода к морю, закрывая доступ к нему югославским провинциям».

....

Грей сообщил также Имперiali текст телеграммы, отправленной им британским послам в Париже и Петрограде.

В этой телеграмме Грей сообщает, что он совещался с премьер-министром и несколькими своими коллегами, добавляя, что они единодушно признали, что итальянские предложения не оставляют надлежащего выхода к морю южным славянам и Сербии*.

Вторник, 23 марта.

Русские добились крупных военных успехов в Галиции. Вчера они заняли Перемышль.

Среда, 24 марта.

Карлотти имел продолжительную беседу с Сазоновым по поводу поставленных Италией условий.

Сазонов не скрыл личного своего недовольства по поводу передачи Италии Далмации до реки Наренты и Истрийских островов, равно как и по поводу нейтрализации Бокке-ди-Каттаро и черногорского побережья. По его словам, после присоединения Триеста, Полы и Валоны, Италии будет обеспечено господство в Адриатике.

* В Лондоне в 1915 г. и Париже в 1919 г. Соннино неоднократно указывал, что Югославия могла бы использовать длинное побережье и предназначенные ей по Лондонскому договору крупные порты в качестве надлежащего выхода к морю. Ср. между прочим речь Орlando на заседании 19 апреля 1919 г. (стр. 168).

Кроме того, он ссылался на то, что следует считаться с Сербией, «которая в героической борьбе дважды нанесла поражение Австрии, понеся жертвы, почти исчерпавшие ее силы. Она оказала значительные услуги Тройственному соглашению, которое не может пренебречь ее жизненными интересами, не навлекая на себя осуждения со стороны общественного мнения Европы».

Карлотти ответил, что «одного только взгляда на карту Адриатики достаточно, чтобы убедиться в стратегической неравноценности двух побережий; этому имеется даже историческое доказательство, восходящее к временам древнего Рима, которому, несмотря на его безусловное господство на море, с трудом удавалось справляться с горстью иллирийских пиратов, скрывавшихся в лабиринте тянувшихся вдоль Далмации островов и в ее извилистых гаванях; это еще лучше доказывается в наше время трудностью и неэффективностью действий союзных флотов в этих водах».

Карлотти говорит далее, что, «оставляя в стороне всем известные исторические права, Италия насаждала в этих областях культуру, сохранившуюся донныне в сознании, обычаях и языке главнейших центров, где самые здания об этом свидетельствуют. Италия должна, следовательно, считаться с сильным давлением общественного мнения страны, которое не желает предавать забвению потомков древних и прославленных пионеров ее культуры. Сербия оказала несомненно крупные услуги Тройственному соглашению, но гораздо более серьезное значение имеют те услуги, которые Италия может оказать державам Соглашения своим участием в войне, на что она, однако, не решится до тех пор, пока ей не будет обеспечено то положение в Адриатике, которое до сих пор у нее оспаривалось».

Пятница, 26 марта.

Империади телеграфирует, что Грей вчера вызывал его.

Грей говорил ему, что он поставил перед союзниками вопрос в следующей простой формулировке: или принять итальянские условия, или окончательно отказаться от сотрудничества Италии.

Однако на случай окончательного отказа со стороны России в вопросе о Далмации Грей придумал «решение, с одной стороны, признающее первостатейную заинтересованность Италии в обеспечении ее позиций в Адриатике и гарантирующее ее против всякой будущей опасности с чьей бы то ни было стороны, а с другой — учитывающее желание славян не оказаться замкнутыми и лишенными всякой возможности торгового и экономического развития».

Речь, таким образом, идет об оставлении Спалато Сербии, о передаче Италии Зары и Себенико с островами, необходимыми для нашей стратегической обороны, и о нейтрализации всего побережья от Спалато до Воюссы.

Империади замечает, что в вышеуказанном своем решении «Грей видимо стремился оставить открытой дверь во избежание

полного провала». — «Мы достигли наивысшей точки переговоров», — уведомляет он. Грей заявил, кроме того, что чувствует себя нездоровым и предполагает выехать на ближайшей неделе из Лондона дней на десять*.

Суббота, 27 марта.

В прибывшей сегодня телеграмме Имперали, ссылаясь на свой позавчерашний разговор с Греем, сообщил в качестве личного своего впечатления, что, как ни желательно наше сотрудничество, союзники, повидимому, предусматривали и обсуждали возможность отказа от этого сотрудничества.

Соннино телеграфирует Имперали, что, если только верны полученные им сведения о том, что наши первые предложения приняты полностью или с более благоприятными для нас изменениями, он уполномочивает его уведомить Грея, что королевское правительство решило принять его компромиссное предложение с некоторыми изменениями, заключающимися в передаче Италии, кроме собственно Далматских островов, также всех Курцоланских островов, за исключением пяти из числа больших и малых островов, расположенных в непосредственной близости к порту Спалато, и в распространении нейтрализации, уже получившей одобрение Грея в отношении всего предназначенного Сербии побережья, также и на те острова, которые могут быть ей переданы.

Пятница, 2 апреля

Асквит, заменяющий отсутствующего по нездоровью Грея, пригласил вчера Имперали, чтобы сообщить ему «окончательное заключение» трех держав о наших территориальных приобретениях в Далмации. Заключение сформулировано следующим образом:

1. Италии передаются адриатическое побережье и прилегающие местности от северной границы Далмации до мыса Планка.
2. Италии же — острова Лисса, Бузи, Кацца, Лагоста, Пелагоза.

* А. Польцер-Ходиц, бывший начальником кабинета императора Карла, в своей книге *«Последний из Габсбургов»* (Mondadori, 1930, р. 200) пишет: «Напомню об одном не лишенном интереса эпизоде: 8 апреля 1915 г. верховное командование армии послало шифрованную телеграмму следующего содержания: „В дополнение к сообщению газет о том, что английский министр Грей ушел в отпуск на несколько недель, нас весьма конфиденциально извещают из авторитетного источника, что Грей уже в течение нескольких дней несомненно находится в Берлине. Прошу министра иностранных дел немедленно информировать в совершенно конфиденциальном порядке“. Конрад-фон-Гетцендорф заявил, что визит Грея в Берлин является достоверным фактом: он обратился к Германии с предложением о том, чтобы Кале был отдан Англии, Германия же получит Конго и эвакуирует Бельгию, за исключением одной ее части. Предложение это было отклонено Германией».

Эту невероятную историю можно присоединить к ложному утверждению, содержащемуся в письме императора Карла принцу Сиксту (см. стр. 92 и след.) относительно предложения Италии о заключении сепаратного мира.

4 Альдрованди Марескотти.

3. Сербии—остальная часть Далматинского побережья, включая Саббиончелло, от мыса Планка до черногорской границы, прилегающими островами за исключением перечисленных в пункте 2.

4. Побережья от Зары до устья Наренты и Бокке-ди-Каттаро будут нейтрализованы.

Асквит находит, что предлагаемое решение совершенно справедливо (fair) и что поэтому провал столь желанного соглашения из-за вопроса, считавшегося им столь второстепенным в сравнении с теми большими выгодами, которые мы могли бы извлечь из соглашения в случае его заключения, явился бы подлинно преступным (criminal) делом.

Империади добавляет, что русский посол, с которым он совещался, заявил ему, что, если бы Сазонов пошел на дальнейшие уступки, он «навлек бы на себя негодование всей России».

Родд приходил сегодня сообщить Соннино предложение Асквита и оставил ему краткую памятную записку по этому поводу.

Соннино говорил ему, что не может дать окончательного ответа, так как он предварительно должен связаться с Саландрой, временно находившимся в Неаполе, но что по его личному впечатлению мы не можем пойти на дальнейшие уступки и что было бы лучше попросту прервать всякие переговоры, если три державы будут настаивать на только что предложенных поправках, еще больше урезающих *минимум* предъявленных нами требований.

Суббота, 3 апреля.

Соннино, получив аналогичный ответ от Саландры, телеграфирует Империади, что мы не можем принять поправок, перечисленных Асквитом от имени Тройственного соглашения. Он пишет: «Ваше превосходительство благоволит объяснить правительству те мотивы, в силу которых мы, к сожалению, должны, в случае если три державы будут настаивать на сохранении своих поправок, взять обратно все наши предложения, считая их несостоявшимися».

Соннино выглядит нервным, но решительным.

Воскресенье, 4 апреля.

Г. говорил мне, что приехавший из Лондона и находящийся в настоящее время в Риме Диллон утверждает, будто Грей поручил ему повести кампанию за заключение сепаратного мира с Австро-Венгрией*.

В печати в эти дни усиленное обсуждаются далматские дела. Сазонов жалуется на тон статей в итальянских газетах, но Саландра во вчерашней телеграмме из Неаполя к Соннино обращает внимание на то, что тон этот вызывается русскими газетами, которые полагают, что все восточное побережье Адриатики является славян-

* Ср. прим. на стр. 49.

ским, и договариваются до того, что даже Триест считают славянским. В заключение Саландра пишет: «Претензия эта вынудила бы нас выступить не против, а на стороне Австрии».

Вторник, 6 апреля.

Позавчера в продолжительной и оживленной беседе с Сазоновым Карлотти настаивал на нашей точке зрения и на важном значении тех выгод, вероятно имеющих решающее значение для войны, которые могут быть достигнуты путем нашего вмешательства в войну, каковое теперь зависит от разрешения вопросов, имеющих весьма второстепенное значение для Тройственного соглашения. Карлотти дал также понять, что лондонские переговоры рискуют быть прерванными или даже прекращенными в том случае, если Тройственное соглашение будет настаивать на своих поправках. Но Сазонов, «горячая речь которого начинала принимать все более оживленный характер, мало способствующий плодотворному обсуждению вопроса, не скрыл, что считает наши требования преувеличенными и что, если бы он не питал лестной надежды видеть нас менее непримиримыми, он вынужден был бы оставить надежду на достижение соглашения».

Однако Карлотти из двух последующих бесед с одним крупным чиновником русского министерства иностранных дел вынес впечатление, что, если бы Сазонов счел наше сопротивление непреодолимым и не видел бы другого пути для достижения соглашения, кроме дальнейшего удовлетворения наших требований, он позволил бы вырвать у себя согласие, но что это вызвало бы в нем трудно изгладимое чувство горечи, способное отразиться на его позиции в случае других переговоров.

Среда, 7 апреля.

Асквит пригласил вчера Имперiali, чтобы заявить, что Россия согласилась вновь рассмотреть предложения, а именно: она отказывается от пункта о нейтрализации Далматинского побережья от Зары до мыса Планка, передаваемого Италии, и что он, Асквит, приложит все усилия к тому, чтобы убедить Россию оставить нам острова Курцола, Лезина и Меледа, которые мы требовали и в передаче которых нам было отказано, если мы согласимся оставить Сербии лежащий на материке Саббиончелло.

Четверг, 8 апреля.

Соннино известил телеграммой Имперiali, что он не может принять предложение Асквита, которое повело бы между прочим к нейтрализации Курцоланских островов.

Пятница, 9 апреля.

Карлотти телеграфирует, что великий князь—верховный главнокомандующий—попрежнему считает наши требования преувеличенными.

Суббота, 10 апреля.

Асквит вызывал вчера Имперiali. Он заявил ему, что находит справедливыми возражения стратегического характера, выдвигаемые Соннино против нейтрализации Курцоланских островов.

Асквит выдвигает новое предложение, относящееся к нейтрализации побережий и островов в Адриатике. Если мы согласимся исключить пункт о нейтрализации от крайнего южного предела полуострова Саббиончелло до Кастельнуово, он, Асквит, попытается добиться согласия России на отказ от нейтрализации Курцоланских островов. Однако такое решение опять-таки зависит от нашего отказа от Саббиончелло.

Среда, 14 апреля.

Соннино, ввиду того что Саландра не считает необходимым обладание Саббиончелло, принимает по существу новое «предложение» Асквита. Со своей стороны, он требует, чтобы Италия в целях устранения возможных вопросов получила дипломатическое представительство будущего небольшого мусульманского государства Албании.

Пятница, 16 апреля.

Сазонов уведомил вчера Карлотти, что, «несмотря на жалобы и неудобства, которые возникнут в том случае, если он пожертвует сербскими интересами», он согласился принять последнее предложение Асквита с дополнениями Соннино, включая представительство будущего Албанского государства.

Сазонов, однако, дал понять, что было бы в интересах обеих сторон, чтобы военные операции проводились одновременно, пока силы Австро-Венгрии отвлечены на Карпаты, и утверждает, что он не вел бы переговоров о соглашении и тем более не уступил бы по всем пунктам, если бы не считал абсолютно обязательным условием для Италии вхождение ее в войну в конце апреля.

Суббота, 17 апреля.

Можно сказать, что в результате ежедневных утомительных, раздражающих переговоров, начатых 4 марта, договор заключен.

Как вчера телеграфировал Имперiali, Грей уже дал распоряжение о подготовке французского перевода всего соглашения, для чего он обратился к французскому послу Камбону.

Соннино, следуя своему желанию сохранить абсолютную тайну, каковая, повидимому, действительно достигнута, почти вовсе избегал совещаться с послами Франции и России. Однако он иногда говорил об этом с Роддом, получившим по этому поводу инструкции из Лондона*.

* Реннел Родд в «Social and Diplomatic Memories» (серия 3-я) пишет о трудностях, связанных с некоторыми статьями соглашения, которые должны были причинить Имперiali «бессонные ночи в Лондоне».

Соннино хотел, чтобы переговоры протекали в Лондоне, так как он вполне полагался на полное отсутствие болтливости у англичан. Но из

Понедельник, 19 апреля.

Империади получил вчера посланные ему Камбоном по поручению Грея два документа на французском языке, составляющие соглашение о нашем вхождении в войну:

1) меморандум, содержащий наши условия с признанием таковых со стороны трех держав Согласия;

2) взаимную декларацию четырех держав о незаключении сепаратного мира.

Империади усмотрел в меморандуме кое-какие неточности в переводе.

Среда, 21 апреля.

Соннино протелеграфировал Империади некоторые изменения, относящиеся к французскому тексту нашего меморандума, в части касающейся статей III, VII, VIII, IX и XIII.

Камбон посетил Империади и сказал ему, что Сазонов «в последнюю минуту выдвинул новые возражения, касающиеся деталей». Возражения эти, по мнению Камбона, совершенно незначительны, однако Камбон их не указал, за исключением вопроса о льготах, предоставленных Черногории в 1909 г.

Из «туманных речей» Камбона Империади вывел заключение, что Грей, будучи недоволен, не намеревается предлагать новых изменений, но что, с другой стороны, он не может не считаться с настоящими возражениями Сазонова, выставляемыми через русского посла в Лондоне Бенкендорфа.

Четверг, 22 апреля.

Империади телеграфировал вчера, что Грей остался несколько недоволен, когда я ему сообщил предложенные Соннино изменения статей III, VII, VIII, IX и XIII французского текста меморандума, — изменения, являющиеся не только уточнением перевода. Грей сказал, что если мы предложим новые изменения, хотя бы и обоснованные, то опять возникнет дискуссия и подписание соглашения опять затянется, так как у него имеется уже четыре новых изменения, в высшей степени приемлемые (Империади предполагает, что изменения эти предложены Россией), ибо они не менее обоснованы, чем наши. Именно с тем, чтобы избежать дискуссии и задержек, Грей борется уже три дня.

Империади продолжает сообщать, что, «как это было угодно богу, в результате личных настояний», ему удалось убедить Грея не препятствовать введению наших изменений к статьям III, VIII, XIII, и в заключение Грей просил Империади договориться с Камбоном относительно редакции этих статей. Но с изменением статьи VII Грей не может согласиться (граница с Сербией и Гре-

различных, уже опубликованных в настоящее время документов видно, что в Лондоне не было недостатка в разглашении сведений о состоявшемся подписании договора с Италией.

цией). Редакция остальных статей была согласована между Империами и Камбоном в соответствии с инструкциями Соннино.

Но Камбон в конце разговора сказал Империами, что Сазонов выдвигает решительные возражения против принятия двух дополнений.

Одно из них относится к нейтрализации черногорского побережья.

Другое касается объяснительного примечания к статье V.

Названное объяснительное примечание относилось к некоторым территориям в верхней Адриатике (это было в интересах также Венгрии и Хорватии)* и в нижней Адриатике (в интересах также Сербии и Черногории).

По нашему предложению для этих адриатических территорий «решения Европы оставались неизменными до окончания войны».

В настоящее же время, согласно телеграмме Империами, названное объяснительное примечание, касающееся перечисленных в нем территорий, судьба которых подлежит решению в будущем, должно быть отредактировано следующим образом: «Les territoires de l'Adriatique énoncés ci-dessous seront attribués par les Quatre Puissances à la Croatie, à la Serbie et au Monténégro» [«Нижеперечисленные адриатические территории будут переданы четырем державам Хорватии, Сербии и Черногории»].

Соннино телеграфирует Империами, что он согласен, со своей стороны, принять изменение объяснительного примечания к статье V при условии, если в отношении дополнения ко второму абзацу статьи V (нейтрализация) будет принята предложенная им формулировка, благодаря которой права Черногории, установленные нотами держав в апреле и мае 1909 г., оставаясь в силе, не будут, однако, распространяться на новые порты, которые могли бы быть уступлены Черногории, например Каттаро.

Суббота, 24 апреля.

Телеграммой от 23-го числа Карлотти сообщает, что, как говорил ему Сазонов, Бенкендорф передаст сторонам в момент подписания соглашения декларативную ноту с изложением точки зрения России:

- 1 . . . (относительно нейтрализации черногорского побережья).
2. Относительно параграфов статьи V меморандума, касающихся отсрочки до конца войны урегулирования судеб адриатического побережья и островов, не предназначенных теперь же для передачи Италии. По поводу этого пункта «Россия, со своей стороны, считает эту часть побережья и эти острова своими территориями, которые должны быть распределены между Хорватией, Сербией, Черногорией и Грецией».

* Как указывалось на стр. 43 и 44, в список территорий верхней Адриатики, относительно которых решения оставались неизменными, был включен Фиуме.

Соннино пересылает послу Империи эту полученную сегодня информацию Карлотти, добавив следующее: «Обращаю внимание вашего превосходительства на тот факт, что в части, касающейся иллюстративного примечания к статье V, Сазонов довольствуется *декларативной нотой* с изложением его собственной точки зрения, без изменения, следовательно, первого предложенного нами текста». Соннино говорит, кроме того, Империи, что в этом первом тексте мы упоминали также о Венгрии.

Воскресенье, 25 апреля.

Во вчерашней телеграмме Империи, отвечая на вчерашнюю же телеграмму Соннино, пишет, что, по сообщению Грея, Сазонов уже несколько дней тому назад дал ему знать, что, принимая во внимание все обстоятельства, считает предпочтительным не делать отдельной декларации и сохранить текст, сообщенный Камбоном.

Империи в другой своей телеграмме, от 24-го же числа, доставленной этой же ночью, уведомляет, что, просматривая печатный экземпляр соглашения, подлежащего подписанию, он отметил, что «по ошибке» объяснительное примечание к статье V фигурировало в качестве части названной статьи, а не как отдельное примечание.

Империи телеграфирует, наконец, что Грей был бы рад, если бы соглашение было подписано сегодня.

Ввиду того что сегодня воскресенье, я говорю Соннино: «Посмотрите на англичан, они дошли до того, что жертвуют своим «week-end» [концом недели].

Соннино телеграфирует Империи, что объяснительное примечание к статье V безусловно должно быть изложено, как в нашем меморандуме, т. е. как отдельная часть, а не как часть статьи V. Вместе с этим извещением он принимает последние формулировки, выработанные в отношении статей V и VII.

«Лишь в случае безоговорочного признания вышеуказанного условия я уполномочиваю ваше превосходительство подписать соглашение. Соннино».

За несколько часов перед тем прибыла телеграмма из Вены, в которой, резюмируя переговоры, тянувшиеся уже более четырех месяцев, Аварна, хотя и в присутствии ему стиле особой осторожности, подтверждает несообразительность австро-венгерского правительства и неосуществимость нашего соглашения с Австро-Венгрией: «Хотя я старался в течение неоднократных бесед с Бурьяном убедить его в необходимости безотлагательного удовлетворения наших национальных притязаний путем признания предложения вашего превосходительства, причем я обращал его внимание на серьезные последствия, которые повлек бы за собой его отказ, Бурьян продолжал ограничиваться, как ваше прево-

сходительство сами могли констатировать, бесплодными спорами и, повидимому, не отдает себе отчета в истинном положении вещей у нас... Вследствие чего соглашение с Австро-Венгрией на основе формулированных вашим превосходительством предложений представляется при нынешнем положении вещей почти неосуществимым».

Понедельник, 26 апреля.

Саландра в личном письме писал Соннино: «Предполагаю, что в результате последней телеграммы из Лондона ты телеграфировал Имперiali о необходимости подписать». И в заключение: «Да поможет нам бог!»

Имперiali телеграфирует, что условие, поставленное Соннино относительно сепаратного примечания к статье V, было принято и соглашение было подписано сегодня в 15 часов.

Грей и его французский и русский коллеги, «особенно Камбон, были вне себя от радости».

При подписании Грей сообщил Имперiali полученное им только что известие о благополучной высадке союзников в Дарданеллах.

П Р И М Е Ч А Н И Е

¹ Лондонский договор от 26 апреля 1915 г.—секретное соглашение между Англией, Россией и Францией, с одной стороны, и Италией—с другой. На основании этого договора Италия обязалась вступить в войну на стороне союзников. За это союзники обещали ей ряд компенсаций: согласно статье 4, Италия должна была получить Трентино, Цизальпинский Тироль, Триест, Горицу, Градиску, Кварнеро, включая Волоску, Истрию, Истрийские острова, Керсо, Луссин, а также ряд малых островов. Согласно статье 5, Италия получала всю провинцию Далмацию, согласно статье 6—Валону (Албания) и остров Сасено. Согласно статье 8, Италия должна была получить в полное владение Додеканезские острова, которые она занимала в момент подписания договора. Согласно статье 9, союзники признали, что в случае полного или частичного раздела Азиатской Турции Италия должна будет получить равноценную часть в средиземноморских областях, смежных с провинцией Адалией. Наконец, согласно статье 13, союзники признавали, что если они увеличат в результате войны свои колониальные владения в Африке за счет Германии, то Италия сможет потребовать «некоторые равноценные компенсации». Согласно статье 14, Англия дала обязательство облегчить немедленное заключение Италией займа в размере не менее 50 миллионов фунтов стерлингов, который должен был быть выпущен на лондонском рынке.

На Парижской мирной конференции условия Лондонского договора не были союзниками выполнены, в результате чего Италия не получила ряда обещанных ей компенсаций.

III

С МЕЖДУСОЮЗНИЧЕСКОЙ МИССИЕЙ В РОССИИ

(9 января — 3 марта 1917 г.)

Еще в ноябре 1916 г. учитывалась необходимость посылки междусоюзнической комиссии в Россию, откуда доходили очень серьезные вести.

Вначале намечались имена Асквита, Бриана и Рибо в качестве представителей, Англии и Франции, но впоследствии были назначены Милнер от Англии, Думерг от Франции и Шалоя от Италии.

Комиссия должна была выехать в декабре, затем отъезд был отложен на январь, после междусоюзнического совещания в Риме (5—6—7 января), посвященного, главным образом, восточной армии и генералу Саррайлю, Греции и королю Константину, возможностям участия союзников на итальянском фронте.

По возвращении комиссии из России в Италию Шалойю, давшего несколько интервью оптимистического характера, впоследствии обвиняли в том, что он впал в полное заблуждение относительно положения в царской империи, как будто итальянский министр мог в какой бы то ни было мере содействовать «пораженчеству».

Читатель настоящих заметок увидит, что русская революция не явилась неожиданностью для итальянской миссии.

С другой стороны, даже после того как революционные события (15 марта) приняли явно серьезный характер, правительства Согласия либо строили себе иллюзии, либо же не хотели отчаиваться. Как в Риме, так и в Париже и Лондоне продолжались оптимистические торжественные публичные высказывания, о которых теперь читаешь не без горького размышления.

16 марта канцлер казначейства Бонар Лоу заявлял в палате общин: «Вся информация нашего посольства в Петрограде указывает на то, что революционное движение не стоит за мир». 19 марта Ллойд Джордж в той же палате общин заявлял: «Мы счастливы узнать, что новое правительство образовалось с явной целью продолжать войну с обновленной энергией», а 21 марта во французском сенате и палате депутатов произносились приветствия по адресу нового русского правительства. Президент сената Дюбо, к которому присоединился от имени правительства министр юстиции Вивиани, заявлял: «Русский патриотизм с обновленной энергией и дисциплиной будет оказы-

вать нам свое содействие». Аналогичные декларации были сделаны во французской палате депутатов ее президентом Дешанелем под единодушные аплодисменты, сопровождавшиеся криками: «Да здравствует Россия!»

С другой стороны, Милоков 17 марта телеграфировал представителям России за границей: «Кабинет, в котором я принял портфель министра иностранных дел, будет соблюдать уважение к международным обязательствам, принятым на себя павшим режимом, и с честью выполнит слово, данное Россией», а 20 марта повторял послам Антанты: «Единодушным стремлением нового правительства является энергичное продолжение войны в согласии с союзниками». 12 апреля Керенский заявлял: «С самого первого дня войны я повторял, что у нас победа невозможна без революции; нам остается добиться победы». Таковы были многочисленные заявления о том, что Россия будет соблюдать договоры до победы; затем идет эффективное наступление русских в июле. Только в результате германских соблазнов и новых правительственных конвульсий в России позиция ее окончательно изменилась. Однако не раньше чем за два дня до прихода большевиков к власти, председатель комиссии по иностранным делам Скобелев заявил (5 ноября) в предпарламенте в Петрограде: «Все разумные политические элементы должны явить собой сознательную часть нации, которая борется и страдает, но не станет на колени, пойдя на любой мир...»

В поезде Рим—Париж, вторник, 9 января 1917 г.

Отъезд в Лондон.

В поезде находится лорд Милнер, участвовавший на междусоюзнической конференции. За обедом он поднимает бокал за союз между Италией и Англией: «Пусть он будет вечным!»

Мне говорят, что начальник кабинета Бриана Бертелло, ум и парадоксы которого всем известны, так же как патриотизм и горький цинизм, будто бы недавно провозгласил тост: «За наших будущих союзников—немцев!»

Париж, среда, 10 января.

Уволен русский премьер-министр Трепов. Замещен князем Голицыным. На Кэ д'Орсе говорят, что этот последний является неизвестной величиной.

Лондон, четверг, 11 января.

Прибыли сегодня вечером. Переехали Ламанш на английском миноносце под командой Эванса, который был товарищем Скотта в его путешествии в Антарктиду.

Нас сопровождают два миноносца. Вследствие большой скорости наш корабль оставляет за собой огромную полосу удивительно красивой белой пены.

В известный момент на палубе начинается движение. Лица у всех серьезные, напряжены, следят за какой-то точкой на море. Перископ? Проходит долгая минута. Затем все успокаиваются.

Понедельник, 15 января.

Пока неизвестно, когда уедем. В ожидании отъезда Шалойя захотел осмотреть Оксфорд. Осматриваем колледжи. В некоторых из них средневековые кельи. В университете статуя Шелли. На одном большом здании читаю надпись о Сесиле Родсе, участие которого было столь велико в завоевании золотоносной и алмазоносной Южной Африки. Вечером—обед в одном из колледжей. Сажу рядом с женой ректора, которого здесь называют Prevost. «Как, должно быть, для вас печально воевать против таких благородных людей, как австрийцы!»—говорит она мне. Я объясняю ей, что Австрия состоит не только из благородных отпрысков какого-либо рода, с которыми она могла познакомиться в Оксфорде, но что в Италии, в особенности в Ломбардии, об австрийском владычестве и хорватской солдатчине сохраняются несколько иные воспоминания.

Вторник, 16 января.

Визит в министерство иностранных дел. Сырость, полутьма. Бальфур принимает нас около большого горевшего камина. Он говорит мне: «Если Соннино приедет в Лондон, мы сочтем это за большую честь. Это будет иметь большое значение».

Я знаю, что Соннино, очень раздраженный состоявшимся без его ведома соглашением, после нашего вступления в войну, между англичанами и французами относительно Малой Азии (соглашение Сайкс—Пико), о чем случайно до нас дошла весть из Каира через посредство Сальваго Раджи, не имеет никакого намерения приехать в Лондон и, как он говорит, «провести губкой» по этому акту, который он сурово осуждает и считает нелояльным.

Пятница, 19 января.

Итальянская делегация, которая с французской и английской делегациями отправляется в Петроград, состоит из Шалойи со своим секретарем проф. Галанте и мной, генерала Руджеро-Ладерки с майором Каваллеро и поручиком Магрини. Во французскую делегацию входят бывший председатель совета министров Думерг, Каммерер от министерства иностранных дел, героический защитник Вердена генерал Кастельно и другие; английская делегация состоит из лорда Милнера, Клерка от министерства иностранных дел, генерала Генри Вильсона и многочисленных финансовых и военных экспертов.

Из предосторожности, а также ввиду недавней гибели Китченера, не было разрешено публиковать никаких известий о нашей поездке. Более того, был пущен слух, что мы являемся членами миссии, направляющейся в Америку в финансовых целях. Нам неизвестно место нашей высадки. Садимся в поезд на станции Эустон в 21 час 30 минут.

Незадолго до отъезда слышим сильные взрывы. Мы невольно думаем о цепелине. Нам сказали после, что взорвался склад военного снаряжения: более 40 убитых и 100 раненых.

Суббота, 20 января.

Прибываем в Обан. Садимся на «Кильдонан Касл» — торговый пароход, совершавший рейсы в Южную Африку и теперь переделанный во вспомогательный крейсер с восемью 150-миллиметровыми пушками, кроме орудий меньшего калибра. По всей палубе разбросаны кучи амуниции; у орудий непрерывно дежурят люди.

Нас эскортируют два миноносца.

Английский флот приложит все усилия, чтобы обеспечить нам безопасный переезд. Торпедирование миссии держав Согласия явилось бы прекрасным успехом для немцев.

В Норвегию, как об этом ходили слухи, мы не поедем, а выгрузимся в Романове, в Кольском заливе.

Воскресенье, 21 января.

Сопровождавшие нас миноносцы были заменены крейсером «Герцог Эдинбургский». Он идет впереди нас на расстоянии нескольких сот метров.

Беседа с лордом Милнером. Его беспокоит Россия: «Россия на краю пропасти». Думерг, человек гуманистической культуры, взял с собой «Кандида» Вольтера и читает нам отрывки из него.

Понедельник, 22 января.

Я был разбужен звуками сигнального колокола. Один из моряков говорит мне: «Замечен неприятельский корабль. Сбор в курительном зале». Выхожу. Вижу, как Шалоя поднимается по лестнице, держа в руках костюм, который мы купили в Лондоне на случай катастрофы и который, надев, следует надуть. Он совершенно спокоен, не думал даже надевать его и держит его в сложенном виде в руках. Добрый Галанте, наоборот, надел костюм, едва мы сели на корабль, и уж больше не снимал его ни днем, ни ночью.

Поднимаемся на палубу.

Говорят, что это была «пробная» тревога.

Отправляясь ко сну, мы вновь находим на столике около постели «Инструкции на случай торпедирования».

Беседы с Клерком о целях миссии и позиции союзников по отношению к России. По мнению английского министерства иностранных дел, необходимо воспользоваться этой поездкой, с тем чтобы приехавшие в Россию союзные министры со всей тактичностью вновь повели с царем речь в том смысле, в каком английский посол Бьюкенен уже обращался к нему в связи с вопросом о внутреннем положении¹. Междусоюзническая миссия, и в особенности военная ее часть, должна также выяснить, использовала

ли Россия и в какой мере присланный ей военный материал. Из 300 орудий крупного калибра, посланных Англией в июле 1916 г., и из числа других, посланных до прошлого октября, лишь 156 доставлены до настоящего времени на фронт.

Совещание трех глав миссий у Милнера. Милнер сообщил в конфиденциальнейшем порядке телеграмму Бьюкенена, весьма пессимистическую, от 12-го числа текущего месяца.

Бьюкенен сообщает между прочим, что он говорил царю о том, что общее наступление союзников ближайшей весной будет зависеть от успеха конференции, на которую мы направляемся.

Путешествие наше полно опасностей, а почтенные персоны, отправившиеся в эту поездку, не собирались рисковать жизнью из-за пустяков.

По мнению Бьюкенена, положение России далеко не благополучно. Народ и царь были единодушны в своем отношении к войне, не в пример людям, которые должны ее вести. Они создавали барьер между народом и царем. Русское правительство должно быть составлено из мужественных и твердых людей, способных привести Россию к победе.

Когда Бьюкенен указал царю на опасность революции, последний ответил ему, что об этом много говорят, но что этого всерьез принимать не следует.

Вторник, 23 января.

Получено по радио известие о послании президента Вильсона, высказывающегося за «мир без победы». Думерг, говоря о послании, отмечает заключающиеся в нем нелогичности; он считает, что послание это «наводит скуку» и что нам следует действовать, и действовать быстро.

«Герцог Эдинбургский» покидает нас. Английский крейсер идет нам навстречу из Колы. Мы надеемся прибыть завтра утром. Генерал Вильсон говорит: «Будем надеяться, что русские сумеют благополучно провести нас в порт среди своих мин». Долго беседую с генералом Руджери, который восхваляет высокие качества и доблесть итальянского солдата.

Я узнаю, что превосходная устойчивость нашего транспорта объясняется тем, что трюм заполнен солидным грузом пушек и военного снаряжения.

Среда, 24 января.

Прибываем в Колу с рассветом. В заливе несколько легких судов. Всюду снег. Тюлени.

Английский офицер, прибывший из Петрограда в поезде, который должен везти нас дальше, говорит, что он тащился пять дней, делая меньше девяти миль в час. Ехать придется в скверных условиях, так как в поезде мало вагонов. Второй поезд, который должен быть предоставлен в наше распоряжение, еще не прибыл. Устраиваемся, как можем, и отбываем около 17 часов.

Отвратительные толчки.

На первой станции обмен визитов глав миссий с великим князем Кириллом, который предупреждает, что дальше проезд будет еще труднее, в особенности на центральном отрезке дороги, проложенном по болотистой местности.

Четверг, 25 января.

Встречаемся с поездом, который должен был прибыть к нам вчера. С этим поездом прибыл генерал Ностиц; он передает нам привет от имени русского правительства. С ним находится Волконский из министерства иностранных дел, бывший первым секретарем русского посольства в Вене. Он рассказывает Шалойе в присутствии французов и англичан о моем поведении в Вене в августе 1914 г., когда я, будучи поверенным в делах Италии, отправился, уже после объявления о нашем нейтралитете, на вокзал официально проститься с русским послом, покидавшим Вену в связи с объявлением войны Австро-Венгрией*. По его словам, русским очень понравился этот жест.

Пятница, 26 января.

Железная дорога действительно плоха. Она тянется почти на тысячу верст по неровной местности; движение поезда сопровождается страшными толчками. Дорога была построена в течение 20 месяцев, чтобы связать Россию с незамерзающим морем через Колу, особенно с целью получения военных материалов в период, когда замерзает Архангельский порт.

Дорога построена в большей своей части с огромными трудностями руками немецких военнопленных. «Сколько погибших немцев,—говорит мне кто-то,—сколько костей рослых померанских солдат представляет собой каждая верста!» Вдоль железнодорожной линии, среди снега, елей и берез, покрывающих необозримые пространства, мы видим около небольших домов или деревянных хижин исхудалые лица русских крестьян и австрийских и германских пленников, работающих небольшими группами в пять-шесть человек.

Суббота, 27 января.

Продолжается медленное, сопровождаемое толчками движение поезда. Теперь еда стала обильной, даже слишком обильной. Сибирская дичь: перепела, куропатки величиной с цыпленка, огромные волжские рыбы, не очень вкусные; Думерг с сожалением восклицает: «*Oh! une petite sole, un petit rouget de la Méditerranée!*» [*sole*] и [*rouget*]]—распространенные во Франции рыбные блюда].

Вдоль железнодорожного пути тянутся снежные холмы. Кажется, будто в этих холмах схоронены военное снаряжение и пушки, отправленные державами Согласия и еще не прибывшие на фронт.

* Ср. стр. 24.

Встречаемся с воинским поездом. Пожилые солдаты в поношенной и полинялой форме. Большинство помещается в вагонах для скота. С любопытством разглядывают нас. Я вижу два голубых глаза со стеклянным, непроницаемым взглядом, полные выражения испуга, ошеломления и еще чего-то мистического.

Прибываем с большим опозданием в Кемь; короткая остановка. Непродолжительная поездка на саних в оленьей упряжке. Наши легкие в чистом воздухе обмываются, как в ванне. Отвратительное впечатление при возвращении вызывает тяжелый, спертый воздух вагонов с двойными окнами, заклеенными бумажными полосами.

Воскресенье, 28 января.

Остановка в Петрозаводске.

Визит к губернатору, посещение музеев, церквей. В одной из них происходит церемония бракосочетания. Чтобы нам удобнее было смотреть, церемония прерывается.

При выходе сопровождающий нас генерал Ностиц прикладывается, как верующие русские, к дюжине икон. По улицам за двойными стеклами окон низеньких домов видно множество глянцевитых в полном цвету. Несмотря на снег и жестокий холод, мы встречаем на улицах женщин, одетых по моде, как в Париже или Риме: короткие платья, прозрачные чулки.

Петроград, понедельник, 29 января.

Приезжаем по расписанию в 10 часов в Петроград. На станции огромная толпа, среди которой министр иностранных дел Покровский, военный министр Беляев, министр финансов Барк. Присутствие министра финансов знаменательно. Присутствуют также союзные послы, среди них Карлотти и многочисленные итальянские секретари и офицеры, одетые, подобно москвитам, в большие шубы и меховые шапки. Отбываем в придворных экипажах и автомобилях. Предоставленная мне на все время нашего пребывания в Петрограде карета сделана из дорогого дерева, которое издает сильный запах. Миссии следуют в [латинском] алфавитном порядке: Франция, Великобритания, Италия. Останавливаемся в «Европейской гостинице», целиком или почти целиком предоставленной миссиям; каждая из них занимает по этажу.

Завтракаем вместе в общей зале, каждая миссия за отдельным столом. Нас около 60 человек.

В 15 часов отправляемся в министерство иностранных дел. Покровский, полный, сильный мужчина средних лет, не имеет ни аристократического вида, ни претензий на аристократизм, но производит впечатление честного, простого, весьма добродушного человека, не без утонченности. Мы находим там вместе с Карлотти французского и английского послов Палеолога и Бьюкенена. Решено, что миссии образуют для обсуждения отдельных вопросов различные подкомиссии — политическую, военную, экономическую.

Затем визит в военное министерство. Министр говорит нам о трудностях, испытываемых транспортом. Материалы, отправленные в прошлом году Англией, когда Архангельский порт был еще покрыт льдами, все еще находятся в Сибири, во Владивостоке. Шалоя, приступив немедленно к тому, что, повидимому, составляло одну из главнейших целей миссии, говорит о необходимости интенсификации войны. Министр отвечает, что победоносный мир предпочтительнее поспешно заключенного мира.

Ту же концепцию разделяют временный начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Гурко, к которому отправляются порознь и вместе трое глав миссий. Гурко говорит: «Мы не должны спешить. Войну мы выиграем, это несомненно; неважно, произойдет ли это через год или через месяц».

В соответствии с этим своим взглядом Гурко настаивает на необходимости крупных поставок артиллерии, снаряжения и в особенности денег. Милнер и Думерг выказали при этом некоторую холодность.

Гурко предлагает, чтобы в междусоюзнических совещаниях участвовал румынский премьер-министр Братиану, принимая во внимание также и то обстоятельство, что в Румынии имеются враждебные ему сильные германофильские течения.

Предложение отклоняется ввиду существующих норм участия малых государств на прошлых конференциях, а также для того, чтобы не создавать прецедентов на случай будущих конференций. Однако улаиваются, что Братиану следует оказать всяческое внимание, чтобы показать ему, какое важное значение приписывается государствами—участниками конференции ему и Румынии.

Вторник, 30 января.

По мнению Альбертини, находящегося с некоторых пор здесь в военной миссии, но в качестве журналиста-наблюдателя, русское правительство за эти последние годы войны становилось все более консервативным и реакционным. Альбертини пространно рассказывает мне о деле Распутина, о его смерти, происшедшей в декабре. Альбертини говорит мне также о настойчивых предсказаниях близкой революции.

Побывал в музее Эрмитажа. Осматривал итальянцев и Рембрандта. Только из-за них стоило бы совершить путешествие в Петроград. Особенно сильное впечатление производит «Возвращение блудного сына». Он имеет почти животный вид нищего, перенесшего голод, жажду и болезни, он преклоняет колено, подобно усталому, хотя еще сильному животному, перед исхудалым и слепым отцом, который, кажется, не столько ласкает, как ощущает его руками, чтобы лучше распознать. Почти чувствуешь запах покрывающей его грязи, как в некоторых повестях Горького. Он весь отдается раскаянию; отец проникнут чувством нежности ко вновь обретенному сыну.

Визит к Карлотти. Он дает нам краткий и интересный обзор положения в России, говоря в особенности о внутреннем положении, осью которого является национальность императрицы, порождающая подозрения и ненависть. Царь, превосходный человек, слабохарактерен и подвержен, как говорят, даже чувственному влиянию императрицы. Карлотти верит в возможность дворцовых переворотов и убийств, но он оптимистично настроен относительно войны и верит в эффективность «русского компрессорного вала». Русские до настоящего времени мобилизовали не то 15 не то 17 миллионов человек.

Затем я беседую с глазу на глаз о том же предмете с советником итальянского посольства Нани Мочениго, который, наоборот, настроен очень пессимистически. Подтверждая то, о чем он мне уже писал в середине прошлого года, он говорит в заключение: «Я полагаю, что бесполезно возлагать какие-либо надежды или рассчитывать в дальнейшем на эту страну в смысле войны».

Другой секретарь посольства говорит мне: «Быть может, сам посол не так оптимистичен, каким он желает казаться в телеграммах министерству иностранных дел, но он полагает, что это его долг также и перед Римом».

Вечером на приеме в министерстве иностранных дел я общаюсь несколькими словами с Сазоновым. Он очень сдержан. Я дважды заговариваю о Соннино, но Сазонов продолжает сохранять сдержанность и почти не отвечает. Перевожу разговор на его пребывание в Италии, где он провел на дипломатической службе много лет. Никакого ответа. Я ссылаюсь на разговор между Сан-Джулиано и графом Витте, происходивший в первые дни войны, по вопросу о последствиях и тех глубоких социально-экономических изменениях, которые вызовет в различных странах эта беспримерная по размаху и продолжительности война. Вновь молчание. Быть может, он продолжает испытывать скорее досаду, чем признательность к Италии, вспоминая о переговорах, предшествовавших нашему вступлению в войну. Я говорю ему о порте Романове, восхваляя его достоинства. Он спрашивает, чья это заслуга: природы или людей. Сазонов представляется человеком воли и большой энергии, сквозь которую, однако, проглядывает упадок духа и разочарование, быть может, более личного, чем общественного характера. Он, повидимому, полагает, что наиболее эффективным мероприятием держав Согласия явится блокада. «Когда по утрам мне приносят,—говорит он,—мой утренний завтрак с превосходным молоком, хлебом и маслом, я с удовлетворением думаю о том, что немецкие министры не в состоянии получить всего этого»*.

Прежде чем отправиться на прием, Шалоя поручил мне состав-

* В начале мирной конференции рассматривался вопрос о представительстве России. По поводу назначения Сазонова Ллойд Джордж заметил,

вить для него речь на тот случай, если ему придется выступить. «Составьте ее на французском языке, с которым я мало знаком». Он одобряет составленную мною речь. После окончания речей Милнера и Думерга выступает Шалойя. Он произносит речь по-своему, на отличном французском языке, которым он владеет в совершенстве (его мать была француженка). Затем, уходя, я говорю ему: «Мне кажется, что совершенно не нужно было готовить для вас речь». Шалойя ответил с присущей ему тонкой иронией: «Ваша речь подходит ко всякому случаю. Позаботьтесь, чтобы я носил ее постоянно при себе, отправляясь на какое-либо официальное собрание, где мне пришлось бы выступать!»

Русский морской офицер уведомляет меня, что в Кольском заливе через день после нашего прибытия была обнаружена немецкая подводная лодка. На следующий день после отъезда из Обана, кажется, также были найдены немецкие мины недалеко от того места, где стоял на якоре «Кильдонан Касл».

Среда, 31 января.

Все миссии сегодня утром были приняты царем в Царском Селе. Идет снег. По всему великолепному парку, покрытому белоснежной пеленой, неподвижно стоят часовые, подобно белым статуям, под обильно падающим снегом. Внутри дворца в жарко натопленных приемных встречается множество людей исполинского роста, одетых в форму XVIII века. Одежда дополняется огромными тюрбанами, украшенными цветными султанами.

Входит царь.

Рослый телохранитель стоит в дверях, откуда вышел царь, ни на минуту не теряя его из виду.

Мы представляемся царю. Он беседует с каждым из нас. Мне он говорит: «Я разве не был с вами знаком?»—«Нет, государь».—«У вас не было брата, похожего на вас?»—«Нет, государь!»—«Вы прибыли сюда на дипломатическую или на экономическую конференцию?»—«Дипломатическую, государь».—«В каких столицах вы бывали?»—«Последний раз—в Вене, где я был советником посольства». Царь подчеркнуто, как бы придавая своим словам особое значение, говорит: «Я не был в Вене уже 13 лет».

Тот же ровный и сердечный характер носит разговор царя и с другими присутствующими на приеме.

Он одет в очень простую военную форму блеклого цвета, выделяющуюся среди ярких, расшитых золотом и украшениями одежд

что люди вроде Сазонова не могут считаться беспристрастными. «От Сазонова можно было бы добыть сведения относительно настроений, царящих в России, подобно тому как от газеты „New York Times“—о точке зрения президента Рузвельта»,—и предложил выслушать Сазонова и других русских не в качестве делегатов, а как информаторов различных правительств в России.

его свиты. Он мне напоминает Абдул-Гамида в простой серой феске на фоне сверкающих золотом и красками одежд его министров, генералов и улемов на селямликке или на празднике байрама². Он производит впечатление простоты, мягкости и почти робости.

Рукой часто дотрагивается до сабли.

Дольше всех царь беседует с Думергом. Бывший председатель французского совета министров говорит много, и ему не без труда удается побороть свой южный темперамент: ему хочется, повидимому, жестикулировать, но он удерживает свои руки в почти-тельном положении.

Фотографируемся вместе с царем.

Министр иностранных дел занимает скромное место, стоя сбоку.

Мне говорили, что многие из высокопоставленных русских носят немецкие фамилии: Фредерикс, Бенкендорф, Грюнвальд, Мейендорф, Корф. Это характерно. Рассказывают, что один русский крестьянин, которому удалось несколько недель тому назад издала увидеть царя, находившегося недалеко от его деревни, услышав имена лиц, сопровождавших царя, произнес будто бы: «Благодарю тебя, господи, что привелось мне, наконец, видеть нашего батюшку-царя со всеми немецкими генералами, которых он забрал в плен».

В военную подкомиссию русские предъявили список необходимых им военных материалов: 10 тысяч пушек, из коих 2 500—крупного калибра.

Четверг, 1 февраля.

Днем состоялось первое пленарное заседание в здании государственного совета. В одной из зал помещается великолепное полотно Ильи Репина с изображением государственного совета. Энергичные лица и положения, свидетельствующие о русской мощи.

Речи Милнера и Думерга при открытии конференции. Шалойя говорит о необходимости немедленного согласованного мощного наступления. Италия напрягла все силы и будет готова к наступлению ближайшей весной.

Покровский зачитывает программу работ конференции. Программа эта обнимает многочисленные вопросы и проблемы, касающиеся нынешнего международного положения. Слишком многочисленные.

Обед в посольстве. За обедом узнаем о решении германского правительства усилить подводную войну.

За обедом присутствует великий князь Николай Михайлович. Высокий, изящный, великолепный представитель человеческой расы. Прямой, уверенный взгляд с примесью чего-то варварского. Мне вспоминается секретарь германского посольства в Риме, который осенью 1914 г., в момент большого сражения между немцами и русскими, говоря мне о внешности, в некотором роде сверхчеловеческой, некоторых русских великих князей, выска-

зал свое восхищение прусского юнкера, не лишенное дипломатической насмешки над генералиссимусом Николаем Николаевичем: «Вот это человек! Вот это генерал! Он, ни минуты не колеблясь, посылает на смерть сотни тысяч солдат ради... спасения Франции!»

Другой интересный тип—наш посол, происходящий из хорошей старинной веронской семьи. В конце обеда он произносит речь, дипломатически безукоризненную, с гуманистическим привкусом. Он читает ее с силой и достоинством. Лицом и своим поведением он обнаруживает несомненное сходство со старшим из рода Скалиджери.

Пятница, 2 февраля.

Братиану нанес визит Шалойе. Он выражал сожаление о том, что не был допущен к участию в конференции. Согласно условиям пакта, заключенного с союзниками в момент вступления Румынии в войну, она имела право быть допущенной к участию в работах конференции, так как она должна была быть на равной ноге с союзными державами. Братиану желал, чтобы итало-румынские отношения еще более укрепились на практике, считая, что у нас имеются тождественные интересы на Балканах.

На сегодняшнем совещании Гурко высказывает себя человеком волевым и властным. Он вновь касается своего взгляда на войну, которая, по его мысли, будет выиграна, неважно в какой срок. Но в отношении Греции, по его мнению, следует принять быстрое решение: «*Le temps se paye avec le sang*» [промедление оплачивается кровью]. Говорится о снабжении Греции и об ослаблении блокады, в случае если Греция изменит свою позицию. По мнению Думерга и Милнера, генералу Саррайлю следует предоставить более широкие полномочия. Продолжительная дискуссия оканчивается предложением Шалойи об оставлении в силе недавнего римского решения по данному вопросу. Было решено вновь рассмотреть этот вопрос завтра после вынесения решений стратегического порядка военной комиссией.

Вечером на приеме в частном доме один из приглашенных представляется мне, называя свое имя, которое я не смог разобрать как следует. «Это—министр внутренних дел Протопопов,—сказал мне кто-то.—Быть может, наиболее могущественный и ненавистный в настоящее время в России человек».

Хотя царь назначил его министром, пригласив его из Думы, желая пойти навстречу либеральным течениям³, Протопопов, придя к власти, приобрел славу решительного реакционера. Однако у многих он находится на подозрении. Если это и не наиболее ненавистный человек, то это человек, о котором сегодня в России больше всего говорят. Ходят слухи, что он готовит уличные восстания под предлогом продовольственных затруднений; по мнению некоторых, это делается с целью вызвать революцию, другие полагают, что это следует приписать его желанию оправдать реакцию.

Живые, почти лихорадочно горящие глаза, жесты порой почти женственные, движения порой быстрые, порой же как бы связанные, как если бы на его ногах были надеты кандалы.

Кажется, у него прогрессивный паралич.

На меня он производит впечатление необычайно нервного человека, легко возбудимого, впечатлительного, опасного.

Через минуту я вновь встречаюсь с ним. Он напоминает мне об одной своей поездке в Италию, сожалеет о «прошедших временах».

Суббота, 3 февраля.

Ввиду отсутствия Думерга, бывшего на аудиенции у царя, политическое совещание не состоялось и было отложено на понедельник.

За завтраком русский военный оркестр исполнял неаполитанские песенки. Шалойя заметил, что этим песням требуется тепло и море: «В их звуках должен чувствоваться морской ветерок».

На дворе 33° мороза.

Сегодня вечером—обед в Царском Селе. Императрица отсутствует, поэтому за столом одни мужчины. Я сижу между министром общественных работ и генералом, который когда-то был военным атташе в Вене. С первым из них я говорю о транспорте и о возможном проведении железной дороги между Сибирью и Колой; второй полагает, что мир не будет заключен раньше 1918 г. Он рассказывает мне о траншеях, где солдаты уже настолько привыкли к близости неприятеля, что зажигают огонь для согревания пищи, не заботясь о том, что неприятель может их обнаружить. За столом—царь и великий князь Сергей. За императором стоят трое дюжих телохранителей. Царь зачитывает тост робким и неуверенным голосом, затем тотчас же заводит разговор с Карлотти, сидящим по левую руку от него. Мне говорили, что английский посол, сидевший справа от царя, был несколько обеспокоен поведением царя, которого не видел со времени последней аудиенции, по окончании которой царь холодно с ним простился.

После обеда царь любезно и скромно беседует с гостями, задерживаясь с менее важными лицами, среди которых он дольше всего беседует с одним из секретарей Думерга, который никак не ожидал такой чести. Кажется, что царь не решается с ним расстаться.

Первые делегаты были приняты в другой зале царницей, которая по «состоянию здоровья» не участвовала в обеде. С Шалойей она говорит о Канонике, извабавшем бюст царевича. Шалойя находит ее типичной немкой. Мне рассказывают, что, беседуя недавно с одним итальянцем, она сказала ему: «Но итальянцы—народ артистов, музыкантов, поэтов, неужели они не устали от этой долгой войны?»

Воскресенье, 4 февраля.

Шалойя был принят в частной аудиенции царем. Были затронуты различные вопросы, в частности вопросы, касающиеся изве-

стных выдвинутых Англией советов, а также существа и формы кабинетов в различных странах. Шалойя заметил, что в Италии функционирует «национальный» кабинет. В Англии диктатуре Ллойд Джорджа придана форма кабинета из пяти членов. Царь, повидимому, полагает, что нынешнее русское правительство представляет собой нечто, соответствующее именно такому «национальному» кабинету. Разговор коснулся интенсификации немцами подводной войны и возможности вступления в войну Соединенных штатов. Царь рассказывает Шалойе, что император Вильгельм говорил ему о подводных лодках, как о предмете научных изысканий специалистов, но в практическое применение их не верил.

Днем—заседание политической комиссии. Покровский предлагает образовать постоянный комитет делегатов союзных правительств для непосредственного и быстрейшего разрешения вопросов, касающихся Греции, имея при этом в виду затруднения, создаваемые особым темпераментом и поведением различных дипломатических представителей Соглашения в Афинах.

Думерг, Милнер и Шалойя отмечают нецелесообразность создания специального органа по греческим делам.

Думерг предлагает в развитие предложения Покровского учредить постоянный комитет делегатов союзников для быстрейшего разрешения всех политических и военных вопросов, интересующих союзников, с правом непосредственного вынесения решений.

Шалойя обращает внимание на существующие серьезнейшие возражения против этого предложения, которое практически свелось бы к созданию нового промежуточного органа, ввиду того что невозможно, чтобы правительства облекли будущих членов этого кабинета теми правами, которые принадлежат кабинету в целом и которых не могут иметь в отдельности сами премьер-министры.

Было решено отложить на конец конференции дискуссию по этому предмету, важность которого признавалась всеми.

Покровский, возвращаясь к вопросу о дипломатических представителях Соглашения в Афинах и изложив расхождения в их точках зрения, вносит предложение о коллективной их замене. Конференция находит, что эта мера выходит за пределы ее компетенции, но принимает решение, в силу которого правительствам рекомендуется предписать отдельным представителям в Афинах проводить более тесный контакт и взаимное сотрудничество.

Затем рассмотрению был подвергнут вопрос о сербских военнопленных и было сообщено желание сербского правительства отправить в Италию свои комиссии для набора сербов среди австрийских военнопленных.

Шалойя связал этот вопрос с вопросом о военнопленных итальянской национальности, находящихся в настоящее время в России и, подобно сербам, входивших в состав австро-венгерской армии.

Конференция ограничилась решением рекомендовать этот

вопрос вниманию правительств с целью облегчения выполнения желания сербов и русских.

Подобный же вопрос был поставлен о военнопленных чешской национальности и аналогично разрешен.

Объявлено о разрыве дипломатических отношений между Соединенными штатами и Германией⁴. Все отмечают важное значение этого события, убежденные в том, что оно является первым шагом ко вступлению в войну Соединенных штатов. Однако кое-кто из русских скептически относится к эффективности участия в войне Соединенных штатов.

Днем состоялся прием, устроенный в нашу честь Думой во дворце, подаренном Екатериной II Потемкину. Недовольство царем и нынешним правительством высказывают гораздо свободнее, чем я мог бы себе представить.

Среди депутатов—много священников.

В театре—прощальный спектакль русской балерины. Кажется, будто присутствуешь на официальной церемонии. Зачитываются многочисленные поздравления; множество подношений, среди которых одно от царя. Каждый из ораторов по окончании своей речи целует руку чествуемой.

Понедельник, 5 февраля.

Вчера вечером Протопопов дал обед в честь итальянской торговой комиссии. В разговоре с Шалойей и Карлотти Протопопов упомянул о сомнениях некоторых иностранных делегатов насчет внутреннего положения в России. Он заявил, что не считает вероятной возможность беспорядков в России, но что во всяком случае страна и армия хотят довести войну до победного конца и что внутреннее положение не может помешать достижению этой цели.

Ходят настойчивые слухи о том, что Протопопов, возможно, попытается добиться от царя роспуска Думы и назначения новых выборов.

Сегодня не было заседаний за отсутствием некоторых делегатов, занятых в других местах. Французская делегация, повидимому, развивает особенную активность.

Наш полковник Марсенго, прибывший из Ставки, говорит мне о недовольстве против царя и двора. Имеются сомнения относительно верности гвардейских корпусов в Царском Селе; предвидится возможность убийств, подобно тому как это имело место в Белграде⁵. Русские солдаты и офицеры героически идут на смерть, но нехватает артиллерии. Железнодорожный транспорт находится в неудовлетворительном состоянии. В России столько же салон-вагонов, сколько и вагонов третьего класса (?).

Обед в военном министерстве. Сажу рядом с начальником авиации; он говорит мне о недостатке бензина для самолетов и о возможных его суррогатах.

Вторник, 6 февраля.

В 15 часов—заседание конференции. Впечатление неорганизованной и малопродуктивной работы.

Генерал Кастельно в весьма красноречивых, хотя и несколько сентиментальных, выражениях спрашивает, не следует ли ввиду испытываемых Антантой затруднений обратиться к «чувству чести» союзной Японии и пригласить ее принять более деятельное участие в войне.

Сазонов заявляет, что об этом Япония была запрошена уже 18 месяцев назад, на что последовал категорический отказ. Сазонов замечает, что японцы не хотят, чтобы их подозревали в корыстолюбии; он говорит также о том, что у них нет собственных территорий, которые нуждались бы в защите. Впрочем, участие Японии привело бы к постановке вопроса о компенсации. Быть может, вступление в войну Соединенных штатов явится обстоятельством, способным привести к изменению этого положения.

Милнер, следуя совету, полученному им сегодня от Шалойи, спрашивает, принималось ли во внимание при обсуждении вопроса о выборе места для развертывания ближайшего наступления то обстоятельство, что было бы целесообразно прежде всего не позволить неприятелю удержать в своих руках территории, могущие способствовать снабжению его необходимыми припасами; при этом Милнер имел в виду хлебородную равнину Румынии. Кастельно, поддержанный генералом Гурко, отстаивал, со своей стороны, ту мысль, что тактические соображения должны превалировать над соображениями экономического порядка.

Обед в Думе.

Дума была закрыта по случаю нашего приезда, так как ввиду царящих в ней настроений иностранные миссии могли бы оказаться свидетелями фрондерских выступлений или каких-либо инцидентов. Дума откроется после нашего отъезда, и тогда сдерживаемое, хотя и трудно скрываемое, недовольство прорвется наружу.

Кое-какие сведения об этом мне удалось собрать во время сегодняшних вечерних бесед.

Среда, 7 февраля.

Заседание финансовой комиссии.

Министр Барк выступил с подробным и нелицеприятным изложением положения в России, «граничащего с катастрофой». Обесценение рубля почти превзошло падение марки. Валютный курс требует принятия неотложных мер. Внутренние займы дают совершенно незначительные результаты: от частных лиц по займу поступило едва 400 миллионов рублей, расходы же превышают 1600 миллионов рублей в месяц.

Русские настаивали на принятии мер к действительному осуществлению обещания, данного на Парижской конференции, об обращении всех ресурсов на общие нужды. Они требовали

от союзников оказания им содействия в закупках, которые должны быть произведены Россией в Японии и Скандинавии.

Было принято принципиальное решение заменить для русских американский рынок японским и скандинавским рынками с целью устранения конкуренции между союзниками, но определенного решения на этот счет вынесено не было.

Касательно валюты русские упорно настаивали на своих требованиях, заявляя, что они доведены до крайности и не в состоянии дольше ждать помощи, которую Франция до настоящего времени оказывала им лишь на словах.

Французские и английские делегаты отбивались по мере сил, утверждая, что ими сделано все возможное. Французский делегат заявил, что у него нет достаточных полномочий, что речь идет о вопросах, которые должны быть разрешены специалистами, и что русские должны принять меры к интенсификации экспорта.

Русские хотели бы подтверждения в принципе, что валютная проблема признана конференцией, а также чтобы об этом были телеграфно запрошены правительства, но Думерг заявил, что вопрос этот не может служить предметом телеграфных переговоров и что он оставляет за собой право обсудить этот вопрос совместно с Рибо. Заключение финансовой комиссии свелось лишь к «констатированию серьезности проблемы».

Покровский предложил созвать собрание завтра для нового рассмотрения вопроса о постоянном междусоюзническом комитете. Думерг предлагает отложить собрание, так как он еще не получил от своего правительства запрошенных им инструкций.

Обед в петроградском аристократическом Яхт-клубе. Говорю о войне с сидящим рядом со мной за столом князем Г. Указываю ему, что война может осуществить вековые чаяния России о выходе в свободное море, т. е. дать ей Константинополь.

«И это было бы хорошо?»—спрашивает он.

Что это? Крайнее ли националистическое выражение стремления России к полной изоляции, или же упадок духа, вызванный продолжительной войной, изменившей стремления русских? Мне приходит на память, как во время триполитанской войны, в момент наших операций в Дарданеллах, Сазонов сказал Торрете, нашему поверенному в делах в Петербурге: «Если предпринятая в Дарданеллах операция удастся и вы займете Константинополь, я велю иллюминировать в знак радости министерство иностранных дел».

Четверг, 8 февраля.

Военные делегаты миссии выезжают на фронт. Мы выезжаем в Москву.

Москва, пятница, 9 февраля.

Прибываем с двухчасовым опозданием.

Завтрак у губернатора. Несмотря на запрещение, в обильном

количестве подается водка. Сажу рядом с русским князем, носящим громкое историческое имя. Он рассказал мне, что на днях в одном из его имений кучер, ожидавший его в саниах, отморозил себе уши. «Они совершенно почернели, кучер выл от боли. Он так кричал!» Князь говорит мне об этом, смеясь, с жестоким выражением лица.

Вспоминается маленький еврей Моисей, которого я знал в Константинополе. Он прислуживал в кафе. Однажды, повстречавшись с ним вечером, я увидел на его лбу следы ожогов.

«Что с тобой случилось, Моисей?»

«Я заработал пять меджидие; их дал мне один русский офицер за то, что пять раз тушил об мой лоб зажженные папиросы».

Но в то же время я думал о многих примерах несомненно тонкого, пламенного чувства, о многих проявлениях глубокой доброты и подлинного великодушия, присущих славянской расе.

Прогулка на Воробьевы горы, откуда Наполеон I впервые созерцал Москву.

Кратковременное посещение Кремля, где до сих пор хранятся оставленные Наполеоном пушки. Там же стоят несколько австрийских крупных орудий, взятых в нынешнюю войну. И рядом сотни ящиков со снаряжением, прибывшим из Англии и лежащим в снегу в ожидании отправления на фронт.

Мне снова говорили о серьезнейших транспортных затруднениях, но немного позднее итальянец, ехавший со мной в своем автомобиле, говорит мне, что он ждет получения новой, лучшей машины.

«Но откуда она должна прибыть?»

«Из Владивостока».

«Каким же образом при нынешнем затруднительном положении транспорта вы сумеете получить автомобиль из далекой Сибири?»

«Это вопрос *бакшинша*».

Повсюду слышишь о невероятной коррупции во всех слоях общества. Уверяют, что военные поставки производятся через многочисленных и жадных посредников, которые используют с этой целью даже балерин или любовниц великих князей.

Прием в городской думе. Множество речей.

Суббота, 10 февраля.

Снова в Кремле.

Любуюсь церквями и зданиями, чудесными образцами искусства, созданного нашими мастерами в Москве и по всей России. Здесь, в Кремле, работал наш болонец Аристотеле Фиераванти, который от чеканки монет перешел к отливке пушек, от постройки кафедральных соборов—к стратегическим работам и стал начальником артиллерии в войне против Твери. В нижних залах императорского дворца, построенного венецианцем Растрелли, сложено множество ящиков, вывезенных из Петрограда на случай герман-

ского наступления. Говорят, что там же находятся ящики с драгоценностями, привезенными из оккупированной Румынии.

Прием, устроенный в нашу честь польской колонией. Поляки отдают себе отчет в значении итальянских симпатий к Польше. Мне рассказывали, что итальянский консул, известный своим расположением к Польше, должен был произнести речь на недавно состоявшемся банкете, но был предупрежден, что этого делать не следует. Председатель польского банкета произнес тогда следующий тост:

«Я пью за итальянского консула и приношу ему благодарность за речь, которую он не смог произнести».

Здесь также приходится слышать тяжелые обвинения против правительства. М., уроженец Болоньи, проживший в Москве 16 лет, говорит мне, что недавние события, связанные с именем Распутина, в корне изменили чувства населения к царю, бывшему прежде предметом почти религиозного почитания, теперь же всеми презираемому и ненавидимому.

Я получил приглашение на чай к одной типично русской даме, живущей в особняке у Красных Ворот. В доме этом есть буфет, который мог бы обслужить по меньшей мере человек 50. Я — единственный приглашенный. А в Петрограде убогая толпа выстаивает в очередях у лавок для того, чтобы с трудом после бесконечного ожидания получить скудный паек по карточке.

Отъезд в Петроград.

Петроград, понедельник, 12 февраля.

Продолжительная беседа с Карлотти на тему о послевоенном периоде, особенно в части, касающейся Австро-Венгрии и входящих в ее состав народностей. Важное значение чехов. Кроме того, был затронут вопрос о том, что Италия занимает в Антанте слабое и изолированное положение и, следовательно, ей необходимо завоевывать симпатии.

Наш военный атташе в Бухаресте, прибывший вчера на несколько дней, говорит мне о поражении Румынии, которое он приписывает частью интригам и советам русского военного атташе. Король и королева продолжают сохранять присутствие духа, но румынская армия не сможет быть восстановлена раньше мая. Русские неохотно воюют в Румынии. Покровский пригласил сегодня Думерга, Милнера и Шалойю, чтобы в частной беседе обменяться мнениями о междусоюзническом комитете. Исключив невыполнимые предложения о создании постоянных делегаций, наделенных более или менее широкими правами, четверо собеседников согласились представить завтра политической комиссии резолюцию о необходимости более частых междусоюзнических совещаний с участием премьер-министров или их особых уполномоченных, состав которых должен оставаться по возможности неизменным. Это вызывается очевидными соображениями возмож-

но большей увязки и более легкой и быстрой координации действий союзников.

Вторник, 13 февраля.

Политическая комиссия решила, что было бы уместно просить Японию об оказании большего содействия в форме присылки артиллерийского материала, снаряжения и соответствующего персонала. Комиссия одобрила также идею создания центрального органа междусоюзнических совещаний. Шалоя разъяснил, что слова «регулярность собраний», содержащиеся в решении, не должны означать «нормальность собраний», которые будут происходить в каждом случае в том месте, где это окажется наиболее удобным. Таким образом, в этих собраниях могут принимать участие делегаты и другие технические эксперты, но не в чрезмерном количестве, дабы собрания эти не утратили своей эффективности. Думерг и Милнер одобряют эту мысль, которая заносится в протокол.

Нератов, облеченный функциями, эквивалентными функциям генерального секретаря русского министерства иностранных дел, долго настаивал на немедленном создании постоянного комитета послов, наделенного особыми правами в отношении второстепенных вопросов.

Шалоя заметил, что даже второстепенные вопросы, если они вызывают решения политического порядка, должны в части, касающейся Италии, разрешаться только ответственными министрами и что в нашем случае посол должен был бы докладывать правительству, и таким образом создавался бы новый промежуточный орган, что повело бы к новым задержкам. Шалоя предложил, чтобы изучение проблемы создания органа для разрешения некоторых вопросов, органа, наделенного совещательными функциями, явилось бы одной из первых задач в работе конференции, как об этом сказано в другом одобренном сегодня пункте, говорящем о необходимости предпринять шаги в Токио для обеспечения более деятельного участия Японии в войне.

Думерг и Милнер присоединились к этой концепции, и, таким образом, соглашение было достигнуто.

Затем последовала продолжительная дискуссия об особой позиции России в смысле ее представительства на регулярных совещаниях ввиду особенностей ее политической структуры и географического положения. Сазонов в своей речи подробно говорил о положении, в каком оказался бы русский посол по отношению к русскому делегату на конференции, каковым не мог бы быть ни премьер-министр, ни министр иностранных дел.

Вопрос этот касается его лично, как посла в Лондоне. В течение дискуссии он отвечает на выступления министра иностранных дел с резкостью и почти презрением, граничащими порой с издевательством. Кажется, будто он хочет дать почувствовать разницу между ним, его психологией, его опытом и личностью

нового человека—Покровского. Покровский кротко выносит нападки. В заключение отмечается, что речь в данном случае идет о вопросе внутреннего характера, касающемся России и выходящем за пределы компетенции конференции.

Карлотти, бывший раньше посланником в Афинах и поэтому с особенным пониманием и интересом следящий за греческими событиями, принимая во внимание нужды итальянских колоний в Греции, выступил с несколькими предложениями, касающимися блокады Греции, советуя облегчить блокаду пропорционально действительному выполнению взятых на себя Грецией обязательств, вытекающих из последней междусоюзнической ноты. Думерг и Милнер допускают возможность некоторых послаблений в пользу многочисленных итальянских колоний в Афинах и на Патрасе.

Среда, 14 февраля.

Посещение Путиловского завода, где, как говорят, работает 32 тысячи рабочих.

Впечатление беспорядка. Масса погребенного под снегом материала. Недоверчивые взгляды рабочих, среди которых много женщин.

Насчет количества ежедневной продукции нам даются противоречивые сведения.

Вторник, 20 февраля.

Ничего примечательного за последние шесть дней. Визиты, банкеты, сопровождаемые многочисленными речами. Шалойя был болен два дня, Руджери болен уже десять дней. Карлотти в различных случаях говорил от имени итальянской миссии.

Военные, вернувшиеся с фронта, привезли противоречивые, но не слишком пессимистические вести.

Я заметил, что Палеолог, державший себя за последние дни крайне сдержанно, почти холодно со мной и с итальянской миссией, сейчас очень сердечен, любезен, улыбается, имеет удовлетворенный и довольный вид*.

Сегодня заключительное пленарное заседание. Утверждаются резолюции, вынесенные тремя подкомиссиями: политической, военной, экономической. Эта последняя постановила обязать соответствующие правительства представить для вынесения решения экспозе русского министра финансов, сделанное им 7-го числа.

Относительно резолюции конференции об истребовании от Японии большей помощи было отмечено, что помощь эта, кроме артиллерии и обслуживающего персонала, могла бы выразиться в по-

* Впоследствии из опубликованных большевиками документов выяснилось, что в те дни французская делегация вела непосредственно с царем переговоры, завершившиеся 14 февраля обменом нот между Палеологом и Покровским, в силу чего Россия соглашалась и принимала на себя обязательство поддержать притязания Франции на Эльзас-Лотарингию и левый берег Рейна. Ни англичане, ни мы не были об этом уведомлены.

сылке других вообще войск, и при этом указывалось на возможность отправки около 50 тысяч японцев в Месопотамию. По поводу предложения о внесении дополнения в этом смысле в уже одобренную резолюцию Шалойя заметил, что это может оказаться неудобным, так как в случае отказа со стороны Японии союзники потерпели бы слишком явную неудачу. Эта мысль Шалойи была одобрена.

Возвращаясь к резолюции, касающейся Центрального постоянного совета, Шалойя разъяснил, что, вынося эту резолюцию, конференция не создает тем самым нового органа, которому остается только приступить к действиям, но что резолюция представляет собой рекомендацию правительствам, которым надлежит договориться о более частых встречах государственных деятелей не в чрезвычайном, а нормальном порядке, без торжеств и банкетов.

Милнер и Думерг присоединяются к этой мысли Шалойи, и конференция утверждает резолюцию.

Среда, 21 февраля.

Готовимся к отъезду.

Принимаются строгие меры к обеспечению нашей безопасности. С этой целью был пущен слух, что мы пока остаемся в России, но едем в глубь страны, поэтому наши апартаменты останутся пока за нами и не будут сдаваться, чтобы создать впечатление о предполагаемом возвращении нашем в Петроград перед окончательным выездом. Меры эти кажутся наивными и напрасными, тем более что наш багаж полностью на виду у всех погружается в поезд, направляющийся в Колу.

И как бы не довольствуясь этим, вечером за несколько минут до нашего отъезда к нам в столовую приносят на подпись все протоколы конференции на виду у всей гостиницы.

Четверг, 22 февраля.

Едем в поезде, идущем со скоростью 10 километров в час. Состояние железной дороги таково, что некоторые участки после оттепели придется заново восстанавливать.

Пятница, 23 февраля.

42° мороза.

Воскресенье, 25 февраля.

Грузимся на пароход. Нас будет сопровождать крейсер «Виндиктив».

Нам говорят, что невядалеке от выхода из залива были замечены германские подводные лодки. Идет снег. Качает. Сильный холод.

Вторник, 27 февраля.

Не встречались пока с кораблем, который должен сменить конвоирующий нас «Виндиктив».

Мороз.

Беседую с английским адмиралом о бесполезности спасательного костюма в случае торпедирования, особенно если принять во внимание холод. Он соглашается: «Если пойдем ко дну,—все кончено».

Затем говорит мне: «В сущности лучше остаться без эскорта,—чем меньше нас, тем труднее нас обнаружить».

Среда, 28 февраля.

Встречаемся с английским конвойным судном крейсером «Шанон», участником ютландского боя⁶.

Тот же самый адмирал, который вчера говорил о предпочтительности плавания без конвоя, теперь выглядит, однако, гораздо спокойнее.

Четверг, 1 марта.

К «Шанон» присоединяются четыре английских миноносца.

Пятница, 2 марта.

Прибываем на Оркадские острова, куда англичане привезли нас, чтобы показать свой флот. Чудесное зрелище сотен морских единиц, стоящих наготове месяцами, годами с разведенными парами.

Высадка в Терсо, в северной Шотландии.

Суббота, 3 марта.

Прибываем в Лондон в 14 часов.

Резюмирую в двух докладах для Соннино свои путевые впечатления, относящиеся к России и переговорам о Малой Азии. Первый из них составлен в следующих выражениях:

«Вашему превосходительству известно из адресованных вам из Петрограда телеграмм об общем ходе работ конференции, которая разделилась на три конференции: политическую, военную и экономическую.

На единственном заседании экономической конференции министр Барк выступил с нелюбимым изложением нынешнего тяжелого состояния русских финансов, вызванного как огромной эмиссией бумажных денег (10 миллиардов рублей) и обесцениением рубля, «курс которого стремится опуститься ниже уровня марки», так и крайней скудостью поступлений от внутренних займов. На этом заседании английский и французский делегаты ограничились обещанием побудить свои правительства принять большее участие в деле оказания помощи России, финансовое положение которой, по словам министра Барка, почти катастрофично. Переговоры по этому поводу продолжались в частной форме между Барком и главами отдельных делегаций, которые возобновили свои обещания. Но никакого определенного соглашения ни по одному пункту достигнуто, повидимому, не было.

Запрос об оказании итальянским правительством содействия в операциях по русским закупкам в Италии не получил заверше-

ния, так как никакого ответа из Рима своевременно получено не было.

Военная конференция распалась на стратегическую и по вопросам военного снабжения. Первая из них исчерпала свои задачи в течение одного дня, если не считать последующей редакционной отделки заключений, придя к выводу, что не существует никакого специального фронта, на котором следовало бы предпочтительным образом интенсифицировать действия союзников и подтвердить вынесенные в Шантильи⁷ решения о согласовании действий в определенных случаях возможного нападения противников или общего наступления союзников.

Наступление это предвидится в апреле месяце. Первое предложение было вновь обсуждено на политической конференции по инициативе Милнера, действующего по совету Шалойи. Милнер спрашивает, принималось ли во внимание при выработке плана военных действий то обстоятельство, что следовало бы отдать предпочтение действиям, направленным к лишению неприятеля наибольшего количества хлебобродной территории и к достижению, таким образом, двойной цели—нанесения противнику материального ущерба и лишения его источника продовольствия. И он указал при этом на отобрание румынских равнин. Но его замечание было опровергнуто сжатыми доводами генералов Кастельно и Гурко, заявивших, что стратегические соображения, которых они не перечисляли, должны первенствовать над всеми другими соображениями.

Конференция по вопросам снабжения выполнила, пожалуй, большую сравнительно с другими работу.

На многочисленных заседаниях этой конференции русские выдвигали требования большого масштаба (10 тысяч пушек, 14 тысяч тонн серы и т. п.), в общем на 10 миллионов тонн. Из этого количества союзники обещали взять на себя 4,5 миллиона тонн. В соответствующем протоколе фигурировала фраза, в которой говорилось, что Россия должна, со своей стороны, принять меры к улучшению состояния транспорта, дабы получить, таким образом, возможность использования на фронте присланного ей союзниками материала. Как известно вашему превосходительству, это соответствует одному из основных, побудивших англичан предпринять поездку в Россию, соображений, заключавшихся в необходимости наглядного ознакомления с местными условиями, чтобы иметь возможность судить о том, где именно было бы целесообразнее—в России или другом месте—использовать ту часть британской военной продукции, которую они могли выделить из запасов своего фронта. Генерал Гурко энергично выступил против этой фразы, истолковав ее как незаконное вмешательство, как наставление, как условие, диктуемое России, и лорд Милнер согласился смягчить фразу, что сводило почти к нулю ее значение. Остается узнать, в какой именно мере, притом вне зависи-

мости от какой бы то ни было печатной формулы, примут во внимание англичане и французы, на которых падает главная тяжесть военных поставок, то общее положение вещей в России, с которым они ознакомились во время своей поездки, чтобы и в дальнейшем направлять туда военные материалы, немалая часть которых лежит месяцами без использования вдали от фронта. Военный министр Беляев признался, что материал, присланный из Англии зимой 1915/16 г. через Владивосток (путь через Архангельск был закрыт льдами), не был еще использован. В настоящее время Россия, затребовав поставки 10 миллионов тонн материала до июля 1918 г., не сможет, повидимому, произвести выгрузку и перевозку более двух миллионов тонн.

Темы, предложенные на рассмотрение политической конференции, не имели никакого особого значения; они касались всех основных международных вопросов актуального характера, но производили такое впечатление, что внесены они были не с целью разрешения каких-либо срочных проблем, а лишь для того, чтобы дать конференции какой-либо материал для работы.

В вопросе о Греции концепция, положенная в основу римских решений, возобладала благодаря твердой позиции министра Шалойи над франко-русской попыткой добиться предоставления генералу Саррайлю более широких полномочий; но здесь, так же как и в Риме, обнаружилось расхождение точек зрения держав, проистекавшее из различных позиций соответствующих представителей в Греции, в связи с чем было сделано предложение об одновременной замене четырех посланников.

Относительно Соединенных штатов было признано, что вопрос еще не созрел для рассмотрения.

По вопросу о Японии была признана целесообразность военного ее выступления, причем размеры ее участия определялись в количестве 50 тысяч человек для отправки в Персидский залив, но конференция, состоявшая из членов правительств, и в этом случае, как и в других вопросах, обнаружила тем не менее большие сомнения в достаточности своих полномочий и ограничилась вынесением заключения, представлявшего собой рекомендацию общего характера правительствам.

Предметом долгих дискуссий и резолюций был вопрос о создании так называемого междусоюзнического политического органа для высшего руководства войной, но и здесь дело свелось к рекомендации правительствам созывать более частые совещания. Во время дискуссии, в течение которой были выяснены затруднения, препятствующие превращению этого института в орган, наделенный подлинным правом самостоятельного вынесения немедленных решений, выяснили, кроме того, специальные затруднения, касающиеся представительства России; этим затруднениям не чужд, повидимому, тот факт, что Сазонов в своем

качестве посла в Лондоне не желает оказаться ниже полномочного русского представителя на Западе. Министр Шалоя изложил затруднения конституционального порядка, препятствующие функционированию этого института. Трудности эти были всеми признаны, но все были согласны в том, что Антанте следовало бы по возможности устранить отставание от блока центральных держав в том, что касается быстроты вынесения решений, равно как и выполнения директив военного командования.

В разрешении этого вопроса в значительной степени заинтересована Италия, которой необходимо завоевать среди союзников более видное, чем в настоящее время, положение. В течение этого длительного путешествия постоянно казалось, что роль Франции и Англии значительно выше роли Италии, которая не производит впечатления равной среди равных. Это имеет место, несмотря на несомненные симпатии, завоеванные министром Шалоей, и симпатии, выказанные по отношению к нашей стране лордом Милнером, г. Покровским, а также, и даже в особенности, г. Думергом. Вследствие ли отставания с нашей стороны или большей активности со стороны других держав, но несомненно, что огромные усилия и жертвы, приносимые Италией, не получают должного признания. Мы по слишком многим вопросам оказывались в изоляции. Ситуация эта тем опаснее, чем ближе решающие дни войны, особенно если принять во внимание, что ни Франция, ни Англия не имеют специальных причин к недружелюбию и унижению нашего главного врага—Австрии.

Серьезной ошибкой явился наш отказ от предложения Ллойд Джорджа на Римской конференции об оказании англичанами военной помощи на итальянском фронте. Это повело бы к установлению большей сердечности взаимоотношений между Италией и Англией, каковая оказала бы несомненное влияние и на расширение политического сотрудничества.

Последствием отказа Рима от итало-британского сотрудничества явилось усиление сотрудничества франко-английского, закреплением которого, быть может, явился немедленный визит генерала Нивеля в Лондон. Вероятно и весь вопрос о Малой Азии пострадал от вышеуказанной позиции Италии.

Возможно, что это новое и более тесное сближение между Англией и Францией повело к последствиям, коснувшимся и России. Генерал Кастельно, проезжая через Лондон, вероятно ознакомился с результатами как римских переговоров, так и встречи генерала Нивеля с Ллойд Джорджем. Мне результаты этой встречи неизвестны, но известно, что генерал Кастельно всегда открыто выступал в защиту того принципа, что главные военные усилия должны быть сделаны на франко-английском фронте. Этим наносился ущерб спокойному ознакомлению с военной мощью России—ознакомлению, являвшемуся одной из главных целей, ради которых была созвана Петроградская конференция.

Утверждалось, что присутствие союзнических миссий в России оказалось весьма своевременным для укрепления связи Антанты с Россией и предотвращения возможных с ее стороны отступлений от взятых на себя обязательств. Утверждалось, кроме того, что пребывание миссий в России оказало благотворное влияние на внутреннее положение этой страны, относительно которой к нам поступали самые противоречивые известия. В России часто циркулируют слухи о готовящихся трагических событиях в императорском дворце, уличных бунтах. Оппозиционные настроения по отношению к правительству открыто выражаются повсюду в частных разговорах и, что особенно поразительно, в совершенно свободном высказывании мнений в общественных местах. С другой стороны, нас уверяют, что сильное недовольство императрицей, распространившееся теперь и на царя, найдет выход только после окончания войны, которую народ и армия хотят довести до победного конца.

В чем бы ни заключалась правда, преобладающее впечатление таково, что ввиду дезорганизации административного аппарата в России вряд ли возможно надеяться на то, что там произойдут решающие военные события, по крайней мере в ближайшее время, если только не будет подвезено значительное количество военных материалов из-за границы, и что Россия, если только не произойдут какие-либо чрезвычайные события, вряд ли окажется способной на что-либо большее, чем иммобилизация неприятельских сил на огромном ее фронте. Генерал Руджери Ладерки полагает, со своей стороны, что Россия сможет в согласии с союзниками предпринять в ближайшее время более успешное, чем в июне прошлого года, наступление. Но, как я уже указывал, использование военной мощи России, в столь значительной мере опирающейся на франко-английскую помощь, вероятно, подчинено планам, согласованным между Францией и Англией в результате Римской конференции и переговоров Ллойд Джорджа с генералом Нивелем.

Кроме того, у меня сложилось мнение, что генерал Гурко, который играл несомненно наиболее значительную роль среди русских делегатов конференции, но не произвел на членов иностранных миссий благоприятного впечатления, не выказывает себя ярым сторонником ускорения наступления на фронте. При этом он не считается с финансовыми проблемами и вопросами внутреннего положения страны, в том числе продовольственного, которое вследствие расстройств транспорта приобретает, повидимому, весьма серьезное значение. Впрочем, циркулировал слух, что Гурко будет вскоре заменен генералом Алексеевым, уже оправившимся от болезни. Относительно военного командования мы получали различные сведения, из которых можно было заключить об отсутствии единства действий.

Министр Покровский, пребывание которого у власти не счи-

талось долговечным, оказался, хотя и в скромном своем обличье, человеком уравновешенным, миролюбивым, не лишенным тонкости и в общем симпатизирующим Италии.

Альдрованди».

Понедельник, 5 марта.

Шалойя беседовал с английскими государственными деятелями о наших переговорах относительно Малой Азии.

Днем, во время прогулки по Лондону, Шалойя рассказывал мне об этом. Мы не можем скрыть своего восхищения перед внушительным зрелищем столицы, и Шалойя, повторяя то, что он неоднократно говорил мне во время нашего путешествия, замечает: «Эти англичане являются тем, что они собой в настоящее время представляют, потому что у них был и есть уголь».

Вторник, 6 марта.

Отъезд из Лондона в 10 час. 50 мин.

В Фолкстоне осматриваем обломки торпедированных судов.

Приезд в Булонь к 14 часам; в Париж прибываем в 20 часов.

Париж, среда, 7 марта.

Думерг, соблюдавший в течение всего путешествия отменную любезность, предложил итальянской миссии интимный завтрак. Обмен любезностями с выражением взаимной симпатии.

Выезд в Рим в 20 часов 45 минут.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду разговор Бьюкенена с Николаем II 12 января 1917 г., во время которого Бьюкенен высказал свои опасения по поводу серьезности внутреннего положения России, угрожавшего трону и исходу войны. Сказав при этом, что «на революционном языке заговорили не только в Петрограде, но и по всей России», Бьюкенен указывал царю на необходимость сменил правительства и рекомендовал ему выступить перед Думой.

² *Селямлик*—публичный прием султаном сановников во время праздника байрама. Селямлик означает также торжественное шествие султана в мечеть, с которым соединяется парад войск.

Праздник байрама—мусульманский праздник (малый байрам—3 дня и большой байрам—4 дня).

³ Протопопов был ставленником Распутина и сторонником самой крайней реакции.

⁴ Это произошло 3 февраля 1917 г. (послание президента Вильсона конгрессу США). Поводом для разрыва дипломатических отношений было объявление Германией с 1 февраля 1917 г. неограниченной подводной войны.

⁵ Имеется в виду дворцовый переворот в Сербии (1903 г.), в результате которого были убиты король Александр (Обренович) и его жена Драга.

⁶ Имеется в виду сражение между английским и германским флотами 31 мая 1916 г.

⁷ Имеются в виду заседания междусоюзнической конференции в Париже 27 и 28 марта 1916 г.